

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра

«Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование)

45.03.01 Филология

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Отечественная филология (русский язык и русская литература)

(направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)**

на тему «Особенности проявления речевого конфликта в романе М.Ю. Лермонтова
«Герой нашего времени»: лингвопрагматический аспект»

Студент

А.И. Биккулова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

доктор педагогических наук, профессор, Л.А. Сомова

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Аннотация

бакалаврской работы

Бакалаврская работа Алины Искандеровны Биккуловой выполнена на тему «Особенности проявления речевого конфликта в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: лингвопрагматический аспект». Объект исследования – конфликтное речевое поведение в аспекте лингвопрагматики.

Цель бакалаврской работы состоит в том, чтобы выявить особенности проявления речевого конфликта в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Основные решаемые задачи: проанализировать работы, посвященные изучению речевого конфликта в аспекте лингвопрагматики; охарактеризовать коммуникативные акты по типу диалогического взаимодействия; выявить стратегии и тактики Печорина, характеризующие его конфликтное речевое поведение; описать лингвистические приемы, отражающие особенности жанра ссоры.

Бакалаврская работа состоит из введения, двух глав, заключения, приложения, списка используемой литературы и используемых источников, включающего 92 единицы.

В работе представлены результаты изучения речевого конфликта в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», впервые описаны конфликтные речевые стратегии и тактики Печорина в аспекте лингвопрагматики, показаны способы выявления лингвопрагматических маркеров, позволяющих распознавать иллокутивное намерение говорящего (на примере главного героя романа М.Ю. Лермонтова). Это авторские комментарии невербальных действий героя, косвенные речевые акты говорящего, признания героя в преднамеренности манипулятивного воздействия на собеседника.

Поскольку главный персонаж романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, по замечанию автора, – «это портрет, составленный из

пороков всего нашего поколения, в полном их развитии», то исследование речевого поведения героя в аспекте лингвопрагматики демонстрирует конфликтные («порочные») речевые действия инициатора общения.

Выявлены лингвопрагматические маркеры ссоры героя с его окружением и с самим собой, показаны стратегии тактики речевого воздействия на собеседника. Печорин, являясь инициатором конфликтного общения, использует такие речевые тактики, как подчинение, дискредитация и провокация. На основе классификации тактик, присущих речевому жанру ссоры, установлено, что наиболее частотными тактиками ссоры, к которым обращается герой романа, являются угроза, злопожелание, грубое прерывание коммуникативного акта, возмущение, насмешка, колкость, упрек, обвинение и молчание.

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1 Речевой конфликт в аспекте лингвопрагматики	10
1.1 Проблемы интерпретации речевого конфликта	10
1.2 Характеристика речевых стратегий и тактик по типу диалогического взаимодействия: кооперация и конфронтация.....	15
1.3 Принципы и способы анализа речевого конфликта	22
Глава 2 Особенности конфликтного речевого поведения Печорина в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	26
2.1 Художественный конфликт как основа архитектоники романа М.Ю. Лермонтова.	26
2.2 Конфликтные речевые стратегии и тактики Печорина, характеризующие его как коммуникативную личность	31
2.2.1 Стратегии и тактики Печорина, характеризующие его конфликтное поведение	31
2.2.2 Конфликтные речевые стратегии и тактики Печорина в общении с Грушницким	35
2.2.3 Лексические средства, демонстрирующие проявление речевого намерения Печорина в общении с Мери.....	45
2.2.4. Иллокутивная сила монолога Печорина «Зачем я жил...». .	51
2.3. Лингвопрагматические маркеры в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», отражающие особенности ссоры.....	56
2.4 Авторская позиция как «лингвопрагматический навигатор» в распознавании речевых действий персонажей романа «Герой нашего времени»	60
Заключение	68
Список используемой литературы и используемых источников.....	70
Приложение А Фрагменты романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	79
Приложение Б Сценарий тематического внеклассного мероприятия по литературе.....	95

Введение

Настоящая работа посвящена исследованию речевого конфликта в социально-психологическом в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Диалоги основных персонажей романа, отражающие стратегии и тактики конфликтного речевого поведения, вызывают особый интерес в аспекте лингвопрагматики как типизированные разговорные конструкции. О судьбе Печорина нам известно заранее, поэтому роман послужит отличным материалом для исследования трагедии человека, вступившего в конфликт с обществом и с самим собой. В дипломной работе рассматриваются деструктивные модели поведения и конфликтное речевое общение, изначально нацеленное на конфронтацию. Характер главного героя отражается на его речевом поведении, провоцирует конфликтные коммуникативные ситуации, которые можно рассматривать как типичные с социальной и психологической точек зрения.

Представляет интерес речевая специфика конфликта как проявление взаимодействия различных факторов (внешних и внутренних), а важнейшей задачей является установление причин деструктивного речевого общения и факторов, обуславливающих зарождение и развитие конфликта. Решение такой задачи возможно при выявлении средств и способов, используемых коммуникантами для разрушения гармоничного общения. В этом отношении интересны работы Н.Д. Голева («Речевой конфликт в аспекте множественности интерпретации речевых произведений»), Е.В. Беньковской и Т.В. Чернышовой («Сигналы речевого конфликта как признаки коммуникативной неудачи в условиях неформального общения»), Питер М. Келлетта («Конфликтный диалог: работа с пластами значений для продуктивных взаимоотношений»), В.С. Третьяковой («Речевой конфликт и аспекты его изучения») и другие.

Актуальность работы обусловлена как важностью изучения конфликтного взаимодействия людей для выявления деструктивных

стратегий общения, так и тем, что проблема проявления речевого конфликта впервые исследуется на материале романа М.Ю. Лермонтова, в котором представлен типичный образ человека, выбравшего путь манипулятора и вершителя человеческих судеб (Печорина). Русская классика в определенной степени – это еще и «учебник жизни», образно представляющий суть человеческих взаимоотношений.

Объект изучения настоящей научной работы – конфликтное речевое поведение в аспекте лингвопрагматики.

Предмет изучения – особенности проявления речевого конфликта в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Цель бакалаврской работы состоит в том, чтобы выявить особенности проявления речевого конфликта в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Обобщить работы, посвященные изучению речевого конфликта в аспекте лингвопрагматики.
2. Охарактеризовать коммуникативные акты по типу диалогического взаимодействия.
3. Выявить стратегии и тактики Печорина, характеризующие его конфликтное поведение
4. Описать лингвопрагматические особенности речевого жанра ссоры

Гипотеза исследования заключается в том, что изучение речевого конфликта в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и конфликтных речевых стратегий и тактик Печорина в аспекте лингвопрагматики позволит расширить границы современного осмысления закономерностей диалогического взаимодействия.

Методы исследования. Теоретические методы анализа и синтеза использованы для проведения наблюдения над текстами, обобщения и систематизации материала. Метод классификации был использован для

распределения отобранных материалов по группам. Метод сплошной выборки был использован для отбора маркеров ссоры. Метод контекстного анализа был применен для анализа коммуникативных актов и отдельных речевых действий персонажей.

Материалом для исследования послужил роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Методологические положения, позволившие осмыслить тему бакалаврской работы, отражены в следующих работах: О.В. Богданова «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова (замысел и воплощение)» (2019); И.С. Юхнова «Проблема общения и поэтика диалога в прозе М.Ю. Лермонтова» (2011); О.С. Иссерс «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» (2008); И.С. Стернин «Основы речевого воздействия» (2012); «Модели описания коммуникативного поведения» (2000); А.Б. Есин «Принципы и приемы анализа литературного произведения» (1998); Гришина Н.В. «Психология конфликта», (2008); Е.В. Ключев «Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия» (2002); В.Б. Кашкин «Введение в теорию коммуникации», (2000); М.Ю. Сейранян «Конфликтная личность как участник конфликтного дискурса» (2014); Н.И. Формановская «Речевое общение» (2002); Н.А. Николина «Филологический анализ текста» (2003).

Ряд исследований В.С. Третьяковой «Сценарии речевого поведения и речевой жанр» (1999), «Речевой конфликт: предпосылки и стадии развития» (2000), «Социальный компонент в структуре отношений коммуникантов» (2000), «Речевое воздействие и способы его оптимизации в межличностном общении» (2000), «Конфликт глазами лингвиста» (2000), «Речевой конфликт и аспекты его изучения» (2004), «Речевой конфликт и гармонизация общения» (2003) также помогли нам теоретически раскрыть выбранную тему исследования.

Научная новизна и теоретическая значимость работы заключается в том, что в работе представлены результаты изучения речевого конфликта в

романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», впервые описаны конфликтные речевые стратегии и тактики Печорина в аспекте лингвопрагматики, что расширяет границы современного осмысления закономерностей диалогического взаимодействия людей, вступающих в общение. В работе также показаны способы выявления лингвопрагматических маркеров, позволяющих распознавать иллокутивное намерение говорящего (на примере главного героя романа М.Ю. Лермонтова).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Художественная типизация как феномен целостного (образного) отражения действительности позволяет исследовать черты языковой личности, характеризующейся конфликтным речевым поведением на примере главного персонажа романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова (*по замечанию автора, «это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии»*).

2. Ключевыми для осмысления идейно-художественного содержания романа М.Ю. Лермонтова являются диалоги Печорина с Грушницким, Мери и самим собой (дневник), именно они отражают особенности использования конфликтных речевых стратегий и тактик.

3. Герой М.Ю. Лермонтова противопоставляет себя другим и принимает роль *«топора в руках судьбы»*, поэтому важно выявить и определить лингвопрагматические маркеры ссоры героя с его окружением и с самим собой, показать манипулятивные тактики речевого воздействия на собеседника.

Самостоятельность исследования состоит в том, что, используя современные классификации речевых актов, автор бакалаврской работы самостоятельно исследует роман М.Ю. Лермонтова с лингвопрагматических позиций.

Практическая значимость бакалаврской работы заключается в том, что ее материалы и результаты могут быть использованы в дальнейших

лингвистических исследованиях речевого конфликта на материале художественных произведений.

Апробация результатов работы проходила в виде внеклассного мероприятия (7 класс) в период прохождения педагогической практики в МБУ «Школа №23» г. Тольятти (см. приложение Б), а также выступлений с докладами на следующих научно-практических конференциях:

1) всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество» (г. Тольятти, 2020 г.);

2) научно-практической конференции «Студенческие дни науки в ТГУ» (апрель 2021, ТГУ).

Результаты бакалаврской работы представлены в виде тезисов научных докладов для научно-практической конференции «Студенческие дни науки в ТГУ» (апрель 2021, ТГУ), а также для всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество» (г. Тольятти, 2020 г.).

Структура бакалаврской работы состоит из введения, двух глав, заключения, приложения, списка используемой литературы, включающего 92 источника.

Глава 1 Речевой конфликт в аспекте лингвопрагматики

1.1 Проблемы интерпретации речевого конфликта

Речевой конфликт в научной среде исследуется с разных сторон. Он представляет интерес для психологии, конфликтологии, культурологии и особенно для психолингвистики и лингвопрагматики. Причем учёные, исследуя конфликтогенные факторы человеческого общения, часто за материалами наблюдений обращаются к художественным текстам. Писатели в своих творениях демонстрируют человеческие отношения в образной, а значит, в обобщенной форме, выделяя существенное и главное. Они как бы рисуют «картинку» конфликтного общения, демонстрируя человеческие характеры, проявляющиеся в художественном диалоге.

Одно из самых интересных произведений, которое дает такое отражение в художественной форме, – философско-психологический роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Автор сумел показать причины и следствия конфликтного общения.

Материал нашего исследования актуален в аспекте лингвистики и лингвопрагматики. Обратимся к ученым, исследовавшим конфликт и различные аспекты конфликта.

В.С. Третьякова, посвятившая большую часть своих исследований конфликту и гармонизации общения, отмечает: «... как язык, так и речь имеют такие конфликтогенные свойства, которые провоцируют пользователей языка на конфликтное взаимодействие» [72, с. 156].

Проблема конфликта, как жизненного феномена, это сочетание исследований в разных областях науки, включая социологию, психологию, лингвистику, юриспруденцию и педагогику. Их синтез формирует новые научные области, одна из которых – исследование конфликтов.

При изучении конфликта рассматривается «человек говорящий», его речевая деятельность, аккумулирующая определенные социокультурные

состояния. Исследование речевого конфликта осуществляется в рамках ведущих направлений современной лингвистики – лингвокогнитивного, психолингвистического и лингвокультурологического. Обостренный интерес к проблемам речевого конфликта выразился в появлении новой отрасли антропоцентрической лингвистики – речевой конфликтологии. Конфликтное речевое поведение исследует лингвопрагматика.

Обратим внимание, как о конфликте рассуждают исследователи. Один из них [25, с. 15-16] отмечает, что в настоящее время понятие конфликта не принадлежит какой-либо конкретной области науки или практики. Н.В. Гришина раскрывает это через следующие определения:

1. Сражение или война. Состояние открытой, затяжной борьбы.
2. Столкновение противоположностей. Дисгармонии в отношениях между людьми, их идеями или интересами.
3. Психическая борьба, возникающая как результат одновременного функционирования взаимно исключающих импульсов, желаний или тенденций.
4. Противостояние характеров или сил в литературном или сценическом произведении, в особенности, главная оппозиция, на которой строится сюжет [25, с. 15-16].

Одним из наиболее признанных западных исследователей проблемы конфликта, М. Дойчем [26, с. 19-21], выделяются «переменные», влияющие на ход конфликта:

1. Характеристики конфликтующих сторон (их ценности, устремления и цели).
2. Предысторию их взаимоотношений.
3. Природу того, что привело к конфликту.
4. Социальную среду, в которой возник конфликт.
5. Заинтересованные стороны.
6. Применяемые конфликтующими сторонами стратегию и тактику общения.

7. Результаты конфликта для его участников и заинтересованных сторон [26, с. 19-21].

Все эти аспекты имеют значение, если исследовать роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в коммуникативном аспекте. И во многих работах лингвистического характера эти работы раскрыты, однако нам кажутся особенно важными п. 6 и п.7, которые еще не раскрыты ни в одной из существующих работ. Тактики и стратегии, применяемые конфликтующими сторонами, и результаты конфликта, будут интересны для исследований конфликтного общения в романе.

К.Ф. Седов утверждает, что с жанрами общения, мы каждодневно сталкиваемся, а, следовательно, каждый из них уже не раз проигрывался в социальном взаимодействии людей. Поэтому, чтобы понять природу речевого поведения, нужно рассматривать речевое взаимодействие с социально-психологической или междисциплинарной позиции. Вместе с тем, обращать внимание на особенности частного характера, то есть присутствующие только в данной ситуации. И мера свободы языковой личности, отмечает К.Ф. Седов, в разных речевых жанрах разная [59, с. 188-190].

К.Ф. Седов разделяет стратегии речевого поведения в конфликте на три основные модели, присущие трём разным типам языковых личностей:

1. Инвективная стратегия. Инвективная стратегия демонстрирует пониженную семиотичность, а именно, коммуникативные проявления становятся отражением эмоционально-биологических реакций.

2. Куртуазная стратегия. Данный тип стратегии предполагает повышенную степень семиотичности. Тяготение к этикетизации.

3. Рационально-эвристическая стратегия. Такой вид стратегии основан на рассудочности и здравомыслии, заставляющие проявлять негативные эмоции в непрямых или косвенных формах [59, с. 190-194].

Заметим, что Печорин, как языковая личность, относится к третьему типу. Каждый из этих типов имеет присущий своей стратегии способ снятия напряжения. В первом, это прямой выплеск вербальной агрессии. Ко второму относится появление чувства обиды. В третьей стратегии лежит освобождение путем иронии.

О.С. Иссерс представляет описание коммуникативных стратегий и тактик в современном общении и рассматривает феномен речевого общения с точки зрения эффективности. Обращает внимание на важность процесса речевого планирования и контроля коммуникации. Главный тезис, который лежит в основе её исследования, заключается в том, что любая речевая коммуникация является стратегическим процессом, базирующимся на выборе оптимальных языковых ресурсов [31, с. 51].

В.Б. Кашкин рассматривает основные модели и теории коммуникации, представляет описание структуры коммуникативного акта и коммуникативных событий в различных сферах и видах коммуникации. Дает представление о личностных чертах коммуникатора и основах коммуникативного взаимодействия [35, с. 37].

Так как коммуникативный конфликт, это речевое столкновение, где главным оружием является слово, необходимым будет обратиться к исследованиям посвященным речевому воздействию и способам речевой манипуляции.

В.Е. Шелестюк в монографии «Речевое воздействие» подробно рассматривает убеждение, внушение и побуждение, как главные способы влияния на ход коммуникации. Классифицирует типы, приемы, средства и инструменты, позволяющие добиться требуемой цели в общении [86, с. 76].

И.А. Стернин изучает проблему речевого воздействия в свете восприятия человека другим человеком. Обращается к вопросу коммуникативного, поведенческого и внешнего имиджа человека. Раскрывает механизм речевых игр и ролевого поведения. Вербальной и невербальной составляющей. Соотносит общение по гендеру и возрасту.

Рассматривает коммуникативные барьеры и явления, порождающие их. Перечисляет условия эффективного общения [64, с. 32-97].

А. Н. Баранов занимается лингвистической экспертизой текста, разрабатывая методы, позволяющие анализировать смысловое содержание текста, определяя, что выражается и что подразумевается. Распознает и вычленяет составляющие механизма языковых приемов манипулирования и воздействия на сознание человека [6, с. 299].

Когда мы размышляем над отражениями законов коммуникации, мы имеем в виду определенные модели коммуникации. Одним из методологических положений исследования коммуникативного акта является описание структуры коммуникации, предложенной Г. Лассуэллом, который для анализа процесса коммуникации приводит следующие вопросы: 1. Кто? 2. Что сообщает? 3. По какому каналу? 4. Кому? 5. С каким результатом?

Также, при анализе конфликта используют понятия мотива, цели и действия, считая их наиболее продуктивными для анализа речевых стратегий и тактик общения. Так, речевая стратегия и тактика говорящего обусловлены определенным мотивом субъекта речи. Мотив, в свою очередь, «опредмечивается» в цель. Действия, являются стремлением реализации цели. Из этого следует, что бесцельных речевых действий – нет.

Нередко в конфликтном общении фигурирует лексика оценочной семантики. Вопрос, об оценке в речевом акте и её интерпретации, поднимается Е.М. Вольф в «Функциональная семантике оценки». Автором подробно исследуется семантика и структура оценки, её характерные особенности и функции. Вместе с тем, Е.М. Вольф уточняет, что оценочными являются не только предложения с собственно оценочными словами, но и многочисленные виды сообщений, куда входят слова или выражения, включающие оценочную сему как один из элементов значения [17, с. 108].

Глубокое и всестороннее рассмотрение различных аспектов коммуникации содержится в трудах В.С. Третьяковой. В работах данного

исследователя конфликт изучается как феномен языка и речи, затрагиваются теоретические проблемы описания. Приводятся аспекты лингвистического описания речевого конфликта, методологические и методические аспекты. Определяются речевые стратегии и тактики кооперации и конфронтации, их маркеры и жанровые сценарии.

Таким образом, для интерпретации речевого конфликта будет целесообразным применение знаний из разных областей наук. Синтез таких дисциплин как психология, лингвистика, социология и юриспруденция, обеспечат наиболее полное, всестороннее и глубинное изучение конфликтного речевого акта. Также необходимо учитывать и широкий коммуникативный контекст, в который включена ситуация конфликта: его семантическое поле и механизмы порождения.

1.2 Характеристика речевых стратегий и тактик по типу диалогического взаимодействия: кооперация и конфронтация

Особое значение для выявления характера диалогического взаимодействия имеют речевые стратегии и тактики. Для начала, определимся с терминами *стратегия*, *тактика* и *речевая формула*, которые будут применяться далее.

Стратегия – под стратегией мы понимаем общую, субъективного характера, цель говорящего в коммуникативной ситуации. Стратегия может быть осознанной и неосознаваемой и ее выбор зависит от личности говорящего, от его видения ситуации и личных намерений. Стратегия бывает общей для группы тактик, речевых формул или реакций. При этом, в рамках одной стратегии можно выбрать несколько тактик.

Тактика – способ воплощения стратегии, зависящий от коммуникативных условий – типом собеседника и условиями общения. Тактика может иметь разные способы языковой реализации и формулироваться в виде обобщенной формулы, которая допускает

вариативность в виде конкретных речевых формул.

Речевая формула – конкретно оформленная в речевом высказывании единица тактики. Одно из словесных воплощений тактики [64, с. 78].

Речевая коммуникация предполагает планирование речевых тактик и речевых формул, которые подбираются в зависимости от требуемого результата общения. Планирование предстоящей коммуникации относится к стратегическому процессу, который строится на основе представлений о коммуникативном акте, то есть серии коммуникативных актов, в коммуникативном взаимодействии (с учетом мотивов и целей говорящего и слушающего, их вербальных и невербальных действий) и всей ситуации в целом.

При этом, следует обратить внимание на того, кому ориентирована стратегия: адресат – не пассивный слушатель. Им интерпретируется сказанное, и он также, в зависимости от собственных целей, реализует свою собственную стратегию.

Признаком речевой стратегии является гибкость. Она реализуется в возможности выбирать говорящим тактики и речевые формулы для реализации стратегии. Другая неотъемлемая часть стратегии – жесткость. Она вносит во взятую систему принятые и понимаемые социальные образцы действий. Наличие противоположных свойств речевой стратегии говорит о ее двузначной структуре, в которой присутствует структура личностная, индивидуальная, задающая приоритет целей, действий, языковых средств и способов речевого поведения, и вместе с ней, наличествует структура социальная, устанавливающая членам общества программу действий и их очередность в стандартных ситуациях.

Как правило, типология стратегий выделяется по результату взаимодействия – кооперации или конфронтации. Если достигнута цель общения и сохранен «баланс отношений», а участники коммуникации сохранили положительные личностные качества, – такое взаимодействие является кооперативным. Если результатом является дисбаланс отношений,

разъединение коммуникантов, отсутствие гармонии между иллокуцией и перлокуцией, заложена стратегия конфронтации или линия конфликтной стратегии [72, с. 79].

Таким образом, характеристика речевых стратегий и тактик, разделяется на два противоположных друг другу вектора взаимодействия. А именно, кооперацию, цель которой гармоничное общение, и конфронтацию, где в основе лежит противоборство. Определившись со *стратегией* (осознанно или бессознательно), говорящий ставит свою личную общую коммуникативную цель. То, чего он хочет достичь в общении с собеседником; подбирает *тактику*, обращая внимание на коммуникативную ситуацию и характерные особенности адресата (пол, возраст, образование, служебное положение, социальный статус и т.д.); *выбирая речевую формулу* тактики, учитывает личностные особенности собеседника [64, с. 6].

По А. К. Михальской, коммуникативное сотрудничество проявляется в трёх основных коммуникативных стратегиях: 1) стратегия близости; 2) стратегия отстранения; 3) стратегия отказа от выбора [72, с. 98].

Причем, стратегии близости и отстранения демонстрируют характерные, присущие человеческой личности, свойства. Так, с одной стороны, человек стремится к эмоциональной близости и контакту с окружающими людьми, а с другой, остерегается полного слияния с социальной действительностью и старается сохранить свою индивидуальность, выделить личные достоинства и отдалиться от людей, не потеряв среди других себя.

Участник коммуникации, с естественной, присущей его внутренним установкам, стратегией близости, поддерживает дружелюбный и миролюбивый настрой. Ему характерна положительная настроенность, открытость, поддержка других людей и контактность. Противоположность первой стратегии, отражена в стратегии отстранения. Такой тип личности с описываемой стратегией сохраняет сдержанность, ненавязчивость. Также, избегает близкого эмоционального контакта и склонен к холодности. При

этом, данный тип не отказывается от общения, однако в первую очередь руководствуется рационалистическим, основанными на рассудочности, подходе общения, в силу того, что такое поведение, в его представлении, «адекватное» и «уместное».

К третьей стратегии коммуникативного сотрудничества – уход от выбора – относится поведение, направленное на перекладывание ответственности за развитие диалога на собеседника. Говорящий, в силу личностных или ситуативных особенностей, не берет инициативу на себя, а передает её в руки собеседника, вместе с ответственностью. Коммуникант подстраивается под ситуацию диалога и дает право вести собеседнику. К стратегиям кооперации также относятся стратегии искренности, компромисса, вежливости, доверительности, и др. [72, с. 99].

По классификации В.С. Третьяковой, основными и наиболее частотными стратегиями конфронтации являются: 1) стратегия инвективы; 2) стратегия дискредитации; 3) стратегия насилия, агрессии; 4) стратегия принуждения; 5) стратегия захвата инициативы и контроля за ситуацией; 6) стратегия соперничества; 7) стратегия разоблачения.

Приведенные стратегии направлены на противоборство, им характерна конфликтность, неуступчивость, захват власти над собеседником, противопоставление собственных интересов интересам собеседника, пренебрежение точкой зрения других коммуникантов, пренебрежением чувств и эмоций участников речевого взаимодействия.

Одной из опорных конфронтационных стратегий является стратегия дискредитации собеседника. При её реализации происходит воздействие на адресата, посредством унижения, высмеивания и оскорбления личности. Как правило, помимо воздействия на чувства, наносится ущерб чести, репутации или достоинству перед третьим лицом. Стратегия использует негативную оценку, обвинение, обнародование негативных фактов. Такой способ дискредитации рассчитан на понижения статуса оппонента, авторитета или подрыва доверия в глазах третьих лиц [72, с. 80].

Следующая, по частотности использования, конфликтная стратегия – это стратегия подчинения. Суть её заключается в том, что говорящий, по причине несовпадения желаний, намерений или целей при ситуации диалога, склонен влиять на его течение и ход развития, путем захвата власти права говорить, уводит от не желаемых результатов и отстаивает, продвигает свои интересы. Как правило, конфликтная стратегия реализуется методом словесного давления [72, с. 81].

Сюда же добавим речевое воздействие и речевое манипулирование. Разграничим понятия. Речевое воздействие – это воздействие с целью убедить адресата сознательно принять точку зрения говорящего, в отличии от манипулирования, где воздействие происходит неосознанно или вопреки его собственному намерению, с целью побудить совершить поступок, изменить свое мнение, поведение и т.д. [64, с. 78].

Согласно О.С. Иссерс, в межличностном общении есть два ведущих мотива: во-первых, стремление индивида «сохранить лицо» (создать положительный имидж), во-вторых, «сохранить свою территорию», уберечься от требований, просьб, посягательств, ущемляющих его интересы. Эти мотивы реализуются в стратегиях самопрезентации и антиэтикетных тактиках [31, с. 75].

Обозначим, что стратегия и тактика соотносятся как род и вид. Стратегическая задача говорящего достигается с применением комбинаций тактик в зависимости от хода диалога. Исходя из этого положения, можно согласиться с определением тактики как «динамического использования коммуникантами речевых умений построения реплик диалога, конституирующих ту или иную стратегию диалоговедения».

Определенные речевые тактики и их варианты закреплены за соответствующими им стратегиями. К примеру, тактики комплимента, просьбы, уступки, как правило, предназначены для стратегий сотрудничества, а тактики колкости, издевки, угрозы, обвинения и оскорбления относятся к конфликтному типу тактик.

Стратегии кооперации и конфронтации являются полярными на шкале коммуникативной координации. Исход речевого взаимодействия общающихся может занимать и промежуточное положение между этими двумя типами.

Некоторые конфликтные тактики, в силу своего «ликоущемляющего» характера, противоречат принятым правилам речевого поведения и социально-культурными требованиям общества. Открытое конфликтное поведение характеризует говорящего в глазах общества, как человека невежливого и невоспитанного. Во избежание подобного риска, говорящему приходится искать компромиссное решение между требованиями общества и необходимостью реализовать свою цель. Интерпретация любого явления, занимающего промежуточную позицию между двумя крайностями, всегда сложна. И, конечно, существуют тактики, которые могут относиться как к кооперативными, так и конфликтным, в зависимости от того, какую цель преследует субъект речи и какую стратегию он выбрал. Например, тактика «ложь» может применяться как кооперативная функция в стратегии сотрудничества или стратегии вежливости, цель которых «поднять» своего собеседника, при этом, эта же тактика может быть и средством стратегии конфронтации и служить инструментом зарождения конфликта [72, с. 84-90].

Н.И. Формановская, под речевым актом понимает высказывание, порождаемое и произносимое с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального действия с помощью такого инструмента, как речь.

Речевой акт состоит из трехмерных фаз, уровней и актов. Где фазы иллокуции и перлокуции наиболее существенные его компоненты. Иллокуция – заложенный в высказывании поведенческий смысл, это предназначение, функция высказывания, которая связана с интенцией, намерением, мотивом и целью говорящего произвести нужное воздействие на слушающего с помощью говорения. Произнесенное говорящим, вместе с иллокутивной функцией, обретает интенциональное значение. Сказанное

оказывается совершением того или иного действия. Пропозициональное значение и интенциональное назначение не всегда сходятся. Истолковывание интенционального значения и иллокутивной функции высказывания, может быть различным в зависимости от коммуникативной ситуации. Обычно, адресатом понимается тот смысл, который заложил в него адресант, однако ошибочное истолкование также возможно. Перлокуция – это эффект или результат речи говорящего. Она достигается, когда иллокутивное воздействие произошло успешно [80, с. 111-119].

Дж. Остином были выделены пять классов «высказывание – действие»:

1. Вынесение вердикта, приговора.
2. Осуществление принуждения, приказов
3. Обязательства и обещания.
4. Выражение соц. поведения, этикета.
5. Результаты обсуждений, доказательств, прояснение причин.

Н.И. Формановской дана следующая классификация речевых актов:

1. Репрезентативы – сообщения, утверждения о некотором положении дел.
2. Комиссивы – обещания, обязательства.
3. Директивы – стремление говорящего побудить слушающего к совершению чего-либо.
4. Рогативы – вопросы.
5. Декларативы – декларации, объявления, назначения.
6. Экспрессивы – выражение психического состояния.
7. Контактивы – выражения речевого этикета.

Дж. Лич выделил 4 группы РА по роли, которую играет в социально-коммуникативных взаимодействиях: 1. Конкурирующие РА – иллокутивная цель говорящего конкурирует с социальным равновесием (жесткие требования, приказы). 2. Праздничные – совпадает с соц. целями (благодарность, поздравление) 3. Сотрудничающие – цель говорящего безразлична к соц. цели (сообщение, инструкции). 4. Конфликтные – иллокутивная цель говорящего в конфликте с соц. целями (угроза, обвинение).

Также, на их основе выделяются РА с прямыми и косвенными высказываниями. В прямом коммуникативном высказывании иллокутивная цель или интенциональное значение высказывается однозначно. В нем форма

и значение находятся в соответствии. В косвенном высказывании содержание превышает его поверхностную структуру, и адресат должен догадаться о подразумеваемом.

Косвенные РА подразделяются на конвенциональные и контекстуальные. Конвенциональные распознаются в интенциональном значении, а контекстуальные не расшифровываются без привязки к контексту или коммуникативной ситуации.

Косвенные высказывания используются чаще прямых. Косвенные конвенциональные и контекстуальные высказывания применяются из-за ситуации особой вежливости, стремления скрыть неблагоприятность факта, иронизировать, дать намек или использовать речевую манипуляцию [80, с. 111-119].

Данные классификации Дж. Остина, Н.И. Формановской, Дж. Лича позволяют выявить коммуникативное намерение говорящего и определить интенцию речи.

1.3 Принципы и способы анализа речевого конфликта

Еще до общения говорящим подбирается приемлемый тип речевого поведения. Изучается непосредственно сам оппонент: сферы интересов собеседника, его портрет личностных характеристик, манера поведения, его коммуникативные цели и задачи. Эти знания требуются для подбора наиболее продуктивных путей диалогического взаимодействия и выбора речевых инструментов. При детально проработанной предкоммуникативной стадии общения, обеспечивается высокая эффективность и успешность коммуникации. Также, непосредственно в самом коммуникативном акте, адресанту следует проявлять гибкость в своем речевом поведении, используя корректирующие речевые ходы и тактики, чтобы получить дополнительную информацию, не допустить неверную интерпретацию высказываний

партнера и избежать других подобных затруднений в осуществлении коммуникативного замысла [72, с. 90-92].

Таким образом, из перечисленных выше функциональных оснований анализа процесса коммуникации складываются три основных принципа анализа конфликтного высказывания: 1. Лингвокогнитивный; 2. Прагматико-интерпретационный; 3. Контекстный.

Первый подход – *лингвокогнитивный*. Он подразумевает рассмотрение конфликтного высказывания с точки зрения актуализации смысловых значений и рассмотрения языковых и речевых единиц, указывающих на намерения коммуникантов, их стратегические замыслы и тактические задачи.

Обеспечивают анализ различные аспекты организации конфликтного высказывания, которые выстраивают и притягивают смысловое наполнение, базу в процессе образования и восприятия мысли. При описании речевого конфликтного высказывания, используется непосредственно языковая сторона выражения, которая позволяет интерпретировать информацию через анализ языковых единиц и речевой семантики слов. Языковая форма высказывания, интерпретируется через определенную систему смысловых и контекстных структур, которые выступают отражением смысловых связей и их воплощения в речевой формуле. Также, данный анализ потребует обращения к смыслообразующим категориям, так как за значением слова или его оттенком значения стоят порождаемые языковой единицей определенные контекстуальные и семантические групповые значения, близкие к значению выбранной языковой единице. Для их описания требуется шаблон, который позволит предопределить восприятие информации и её понимание адресатом заранее, учитывая его индивидуальную когнитивную картину мира [72, с. 92-96].

Второй подход – *прагматико-интерпретационный*. Данный подход сконцентрирован на рассмотрении позиций говорящего, позиции слушающего и коммуникативном акте в целом. Рассматривается форма сообщения и его «прочтение», понимание. В каком виде было сформировано

сообщение и как оно интерпретировалось (расшифровалось) слушающим (или адресатом) сообщение говорящего (адресанта). Адекватно ли оно воспринято, не было ли искажений, и соответствует ли первоначальному намерению, интенции говорящего. Также рассматривается последовательность сообщений, их способ представления и невербальные сопровождаемые его единицы, которые повлияли на порождаемые смысловые образования у слушающего.

Такой подход позволяет выявить ошибку в процессе общения, которая вызвана некорректной шифровкой или расшифровкой замысла. Нередко встречается, когда информация заведомо подается в неоднозначной или ошибочной форме. Целью такого приема является осуществление намерения скрыть, упрятать факты или ввести в заблуждение адресата. Прагматико-интерпретационный подход обеспечит нахождение ошибки в цепочке коммуникации и выявит истинный смысл сообщения.

Третий принцип анализа конфликтного высказывания является контекстный. В основе анализа лежит включение конкретного высказывания в более глобальную систему – национально-культурное пространство. С одной стороны, оно выступает контекстным направлением, своеобразной системой координат в котором происходит конфликтное общение, определяющее систему национально-культурного осмысления изображения действительности, частью которой является человеческое общение. С другой стороны, каждый представитель национально-культурного сообщества носит в себе своё собственное пространство, которое заполняется значимыми для него сущностями. Среди них есть черты как присущие всему национально-культурному сообществу, так и специфичные, присущие только данному индивиду. И из этого следует наличие индивидуального национально-культурного пространства и пространства общечеловеческого. Они, согласно своей «системе координат», вырабатывают свою систему социальных кодов в различных ситуациях общения. Этот так называемый набор сценариев

речевого поведения, который регламентируется нормами, конвенциями и правилами, выработанными в конкретной лингвокультуре [72, с. 92-96].

Таким образом, рассмотренные аспекты и методы анализа речевого конфликта отобраны как наиболее подходящие для исследования конфликтно-речевых стратегий и тактик на примере текста романа. При интерпретации речевого конфликта будет целесообразным применение знаний из синтеза таких дисциплин как психология, лингвистика, социология и юриспруденция, которые обеспечат наиболее полное, всестороннее и глубинное изучение конфликтного речевого акта. Также, следует учитывать широкий коммуникативный контекст, в который включена ситуация конфликта: его семантическое поле и механизмы порождения. Характеристика речевых стратегий и тактик по типу диалогического взаимодействия позволят выявить коммуникативное намерение говорящего и определить перлокутивный эффект речи. Поскольку смыслообразующие планы невозможно выявить в наглядном виде, *лингвокогнитивный* подход обеспечит анализ языковой и речевой семантики различных единиц высказывания через их материальное отражение в различных языковых и речевых структурах, что позволит провести адекватную интерпретацию высказывания. *Прагматико-интерпретационный* анализ соотнесет направленности высказывания отправителя сообщения с интерпретацией данного сообщения адресатом, его расшифровку послания и выявит значимые единицы высказывания и последовательность этапов их порождения. Немаловажным является *контекстный* метод: в предисловии к роману «Герой нашего времени», М.Ю. Лермонтов объяснил читателям, что стремился отобразить *«портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии»*, поэтому аспект национально-культурного пространства, с его ментальными структурами и контекстами социальных кодов, потребует применения *контекстного* анализа речевого взаимодействия.

Глава 2 Особенности конфликтного речевого поведения Печорина в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

2.1 Художественный конфликт как основа архитектоники романа М.Ю. Лермонтова

Как было упомянуто ранее, для описания структуры коммуникации, нами был выбран метод Г. Лассуэлла, который для анализа коммуникации привел ряд вопросов, где наиболее важными для нас представляются вопросы *кто* говорит и *кому*. Вместе с моделью Г. Лассуэлла включим схематическую модель коммуникации по Р. Якобсону. Согласно его методу анализа коммуникативного акта, важно рассмотреть сообщение отправителя получателю в связке с контекстом, обеспечивающим целостность содержания сообщения. В модели Якобсона участвуют адресант и адресат, от первого ко второму направляется сообщение, которое реализовано с помощью кода. Контекст связан с содержанием сообщения, понятие контакта – с регулятивным аспектом коммуникации.

Данная модель предполагает помимо анализа речевых актов, анализ системы персонажей, встроенных в ситуацию сюжета и сюжетного пространства. В связи с этим, нельзя не затронуть роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» с точки зрения литературоведческого аспекта, а именно, непосредственно, сюжета и системы действующих лиц, в которые включены ситуации конфликта. Чтобы показать психологию и столкновение, автор особым образом организует сюжет и структуру текста. Использует события романа и выстраивает собственную идеологию у каждого героя. Расставляет их. И все они так или иначе заострены и имеют конфликтный потенциал.

Н.А. Шабанова определяет сюжет, как систему событий в художественном произведении, представленную в определенной связи, раскрывающую характеры действующих лиц и отношение писателя к

изображаемым жизненным явлениям; последовательность. Передает ход событий, составляющих динамический аспект художественного произведения. Сюжет, – по определению В.В. Кожина, – «живая последовательность всех многочисленных и многообразных действий, изображенных в произведении, – не может быть пересказан, ибо, <...> произведение и есть наиболее сжатый, не имеющий ничего лишнего, рассказ о сюжете, словесное воплощение сюжета».

Сюжет обладает рядом содержательных функций. Задаёт время и место разворачивания событий, окружение героев, характер связи с другими персонажами, а, следовательно, раскрывает сущность самих персонажей, тем самым – его место в реальности и судьбу. Во-вторых, сюжеты демонстрируют и воспроизводят жизненные противоречия. Неотъемлемой частью сюжета является конфликт, участвуя в котором, раскрываются персонажи произведения.

Исследователи сходятся во мнении, что задумка «неправильной» последовательности в романе М.Ю. Лермонтова направлена на обеспечение читательского интереса к главному герою. Именно недосказанность заставляет читателя переворачивать страницу за страницей. Первое знакомство с Печориным происходит в «Бэле». Сначала через рассказ Максима Максимыча, человека пожилого, простого и не способного понять Печорина. Затем, в «Максиме Максимыче», добавляется несколько психологических штрихов, увиденных уже глазами рассказчика, но еще более «заинтриговывающих». После следует «Тамань», где Печорин сам приоткрывает свой внутренний мир. И роман, где наиболее полно раскрывается нам герой, это «Княжна Мери».

При анализе конфликтного поведения героя, важным аспектом является система персонажей. Портрет, характерное типу поведения персонажей, в том числе по отношению друг к другу, к природе, к конкретной ситуации, проблеме или вопросу. Персонаж (или литературный герой) – является действующим лицом художественного

произведения. Персонажная сфера непосредственно рассматривается через структуру произведения и её участников – персонажей. Взаимоотношения между персонажами в рамках сюжета и сюжетного конфликта является системой персонажей. Её следует рассматривать как процессуальное развитие сюжета, так и воспроизведения принципа композиции.

Известно, что практически в каждом произведении есть двойники или антиподы главного героя. Так автор, путем отзеркаливания, раскрывает идейно-смысловую полноту произведения. Антиподом Григория Александровича Печорина является юнкер Грушницкий, с которым он познакомился в действующем отряде. Грушницкий противопоставляется Печорину. Он их тех людей, у которых на все случаи жизни заготовлена пышная фраза, декламировать и производить эффект его страсть. Он совершенно не разбирается в людях, потому что занят собою и стремится показать другим, что его душа не создана для этого мира. Мелок в амбициях и желаниях. Чтобы завоевать авторитет, найти друзей, завоевать авторитет в значимом для него кругу людей, совершает предательство. По описанию Печорина, он принадлежит к типу людей, что бросаются вперед, закрыв глаза от страха. Печорин разглядел маску молодого юнкера, и за это Грушницкий его невзлюбил.

Другой персонаж, Вернер, выступает двойником Печорина. Он скептик и материалист, изучил все струны души человеческой, но так и не воспользовался этим в жизни. Его обзывали Мефистофелем, он делал вид, что сердился, хотя в тайне это льстило его самолюбию. С Григорием они схожи в интеллектуальных и духовных аспектах, оба скрывают способность любить и сострадать, учатся равнодушию и эгоизму. Из-за внутренней уязвимости, боятся проявления нормальных человеческих чувств и подавляют в себе все человеческое. Печорин с Вернером сразу поняли друг друга и сделались приятелями. Печорин рассказывает, что они с Вернером, идентичны друг другу настолько, что могут, не сказав ни слова, понять, о чем хочет заговорить другой. Их главные различия только

в том, что доктор Вернер – добродушнее, спокойнее и не склонен к риску, азарту, какой есть у Печорина.

Автор показывает сложные отношения между «героем времени» и светским обществом, к которому принадлежит Печорин – «водяным обществом». Конфликт, почвой которого является принципиально разное понимание мира, разворачивается в «Княжне Мери». Любопытное «расщипление» Печорина мы видим в персонажах отличных от него по своей сути: Печорин: *Жены местных властей привыкли на Кавказе встречать под нумерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум.* Грушницкий: *И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью.* Печорин: *Года через два выйдет замуж за уроды... потому что на нем была солдатская шинель, хотя под этой толстой, серой шинелью билось сердце страстное и благородное.* Такой авторский прием выделяет разницу характеров. Даже если фразы схожи, читателем подмечается разный «взгляд» героев и их восприятие друг друга в своей собственной картине мира. Однако такой прием не подойдет для Печорина и Вернера. Они схожи во взглядах на мир и своих убеждениях, что и отражает эпизод, где Печорин рассказывает о событиях его знакомства с доктором. Этим двум персонажам, как мы понимаем из их общения, говорить не о чем, так как оба догадываются, о чём заведет речь его приятель.

В общении с противоположным полом, любовь не приносит счастья ни Печорину, ни его любимым женщинам. Печорин признается, что действительно любил Веру, это мы понимаем из его монолога и дневниковых записях, где он оставлял воспоминания о главных событиях его жизни и делился истинными переживаниями. Из его дневниковых монологов, мы замечаем, что Печорин глубоко свободолюбивый человек и он сам об этом прямо говорит. Одной из причин, почему он любил Веру, была именно свобода, которую она давала ему, принимала Печорина таким, какой он есть и прощала его поступки.

История с Бэлой показывает, что ему интересна была в ней её непокорность, характер. Он насытился «всеми удовольствиями», какие могло предложить светское общество. Бэла, была непроста, непохожа на остальных девушек. Вскоре, когда «дикарка» призналась в чувствах, стала себя вести, как и другие, завоёванные ранее, девушки, Печорин охладел к ней и потерял интерес.

Печорин никогда не был «рабом» женщин, он никогда не дорожил ни одной из своих возлюбленных. Примером тому мы видим его отношения с Мери, целью которых было развеять скуку, побаловать своё самолюбие и скрыть отношения с Верой. Печорин не захотел связывать себя обязательствами с Мери.

Виной несчастья с девушками, как считает герой, становится его эгоизм и «развращенная душа». Печорин такое суждение о себе доверяет дневнику. Таким путем, автор показывает, что в душе Печорина нет гармонии. Он не может выносить обычные, «скучные» отношения, наводящие на него тоску. Как в отношениях с приятелями, так и в отношениях с девушками.

Так же, по замечанию Д. Е. Максимова, посредством развертывания личности второстепенных персонажей, мы узнаем больше о личности Печорина и подобных ему. Как «герои времени» относятся к фатуму, верят ли в него? Такой персонаж как Вулич и его общение с Печориным приоткрывает эту грань. А Печорин с горцами, и он же с контрабандистами, показывает силу его характера, необыкновенность, продуманность, ловкость и интеллект в сравнении с героями, принадлежащими к романтической литературе. В конфликте Печорина и «водяного общества» отражается взаимоотношения «героя времени» и царствующего в эту эпоху общества. Раскрывается проблема и характерный оттенок социальных связей «героя времени» с людьми его круга. Обнажается непонимание двух сторон: прогрессивного взгляда, стремления к новому и устоявшегося во времени прошлого, закостенелого

и нерушимого. Построенная М.Ю. Лермонтовым необычная, предельно точно затрагивающая каждую прослойку общества, картина социальных взаимоотношений отражает как проблему, остро вставший конфликт, так и передает непосредственно саму позицию автора, умело вплетенную в рамки отношений персонажей. В таком своеобразном построении системы образов романа, когда все сюжетные линии и персонажи, задействованные в них, подобно искусно сплетенной паутине, пересекаются и ведут к главному герою романа, а остальные персонажи помогают наиболее ярко, целостно его изобразить. Такой подход является частью художественной своеобразности романа, отражающие позицию автора, его новаторство и оригинальность романа М. Ю. Лермонтова [47, с. 55-67].

Таким образом, с точки зрения литературоведческого аспекта, на уровне задумки, на уровне сюжета и противопоставления действующих лиц, автор изображает конфликт персонажей. Он тонко, психологически выстраивает его, отображая реалии конфликтов человека с самим собой и с другими людьми. И отображает очень точно, вплоть до типизации участников и самого конфликта. Автор помещает героя в различные ситуативные обстоятельства, в которых мы можем проанализировать стратегии и тактики героя в речевом взаимодействии. Изучая эти реалии, с точки зрения языковой прагматики, мы можем понять особенности конфликта, его организацию и особенности поведения человека, повлекшие за собой столкновение.

2.2 Конфликтные речевые стратегии и тактики Печорина, характеризующие его как коммуникативную личность

2.2.1 Стратегии и тактики Печорина, характеризующие его конфликтное поведение

Рассмотрим поведение героя в предкоммуникативной ситуации, согласно структуре коммуникации В.А. Доманского, представленные в

фрагментах приложения №1 и №2. Несловесные действия героя, повлиявшие на развитие отношений с другими персонажами, важны для целостной интерпретации речевых актов.

Так, Печорин, следует своей игре «— *Завязка есть!*» — *закричал я в восхищении, — об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно судьба заботится о том, чтоб мне не было скучно*» и прежде чем познакомиться с Мери, прибегает к ряду хитростей. Данный этап – это установка на восприятие. Как мы видим из описания Автором поведения Печорина, на предкоммуникативном этапе взаимодействия с Мери, герой привлекает внимание, выделяет свою «непохожесть» и необычность: шокирует княжну, проявляет дерзость, нарушает установленные и привычные шаблоны поведения. Ранее *дерзкий лорнет* рассердил княжну Мери, тем самым обратил на себя внимание, заставил мысленно возвращаться к досадившему ей человеку, размышлять о его странности и нахальстве. Теперь, эту же цель преследует Печорин, переманивая гостей. Он не пытается познакомиться с хорошенькой для всех княжной или войти в общую беседу. Герой не присоединяется к уже сложившемуся кругу, а создает свой и переманивает всех офицеров к себе. Его стратегическая цель заинтересовать Мери. Герой тактически задумал завладеть вниманием и чувствами окружающих. Так, Печорин оценивает внешний эффект произведенных действий: *видно, было смешно, потому что они начали хохотать как сумасшедшие; любопытство привлекло ко мне некоторых из окружавших княжну; мало-помалу и все ее покинули и присоединились к моему кружку.*

Обратим внимание на формулировки: *Видно, было смешно; любопытство привлекло ко мне; все ее покинули и присоединились к моему кружку.* Помимо описания развития коммуникативной ситуации, автор использует синтаксические конструкции, обращая внимание на направления действий к Печорину из вне. Выбранные им тактики поведения побудили других присоединиться из круга княжны в круг героя. Конечно, от такой

наглости княжна злится (*несколько раз ее взгляд, упавая на меня, выражал досаду, стараясь выразить равнодушие...*).

Снова автор рисует невербалику, которая подмечается Печориным, гордость Мери задета. «– *Что он вам рассказывал? ... верно, очень занимательную историю – свои подвиги в сражениях?..*». От бессилия и досады девушка также прибегает к манипуляции, чтобы обратить внимание героя к себе, задеть его чувства и подначить на открытый диалог: *она сказала это довольно громко и, вероятно, с намерением кольнуть меня, что свидетельствует о том, что перлокутивный акт «А-га!» – подумал я, – «вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будет!»* удался. Такой тип коммуникации героев относится к директивному типу. Данный фрагмент демонстрирует обычное, свойственное герою, поведение: он задевает, вызывает реакцию, но не выходит на открытый конфликт. И твердо следует задуманной системе.

Отметим, запись в дневнике носит шуточный характер. Описанные события №2 (см. приложение) содержат коннотацию несерьезности. «*Ужасно*» в данном контексте предполагает смысл как чрезвычайный по степени проявления, превышающий обычную меру, норму (словарь Ушакова). При этом присутствует языковая игра; «ужасный» – это впечатление, которое стремился произвести на княжну. *Ужасно продвинулись* – означает, что тактические манипуляции, чтобы вывести Мери на негативные чувства, успешны. *Ей ужасно странно* – подразумевается, что гордость девушки задета. Колкость и злость в его адрес приятны ему («*колкие, но вместе очень лестные*»). Княжна ненавидит Печорина, и он ликует.

В словосочетании *отвлекать ее обожателей* также присутствуют нотки игры. Глагол «отвлекать» притягивает другие ассоциации и образы, как например, образ ребенка, внимание которого переключают от одной игрушки к другой или уловки фокусника с вниманием зрителей. В сочетании

с наделенным иронией словом «обожатель» обретает насмешливое, саркастичное значение. Приведем определение из словаря Ефремовой:

ОТВЛЕКА́ТЬ несов. перех. 1. Заставлять, побуждать уйти, покинуть прежнее место. Заставлять отдалиться от кого-либо, прекратить общение с кем-либо.

В словаре Ушакова:

ОБОЖА'ТЕЛЬ, я, м. 1. Горячий поклонник, ухаживатель (разг., иногда с ирон. оттенком.)

Как понимаем со слов героя, его забавляет происходящее. Помимо заинтересованности впечатления, производимого на девушку, герой соревнуется с ней и делает это с азартом и торжеством.

Покупая ковер, героем успешно используется аналогичная схема: *я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство*. Вызывая досаду, недоумение, гнев, он заставляет преодолеть нейтральное отношение, равнодушие и безразличие, как итог, Печорину дважды удается реализовать стратегию директивы.

Герой относится к происходящему как к театру, где он – постановщик. Люди вокруг – персонажи его сюжета. Развлекает себя, потому что *без дураков было бы на свете очень скучно!*. Его взгляд на жизнь мы видим в конкретных коммуникативных единицах речевых актов. У него есть *завязка*, а *об развязке этой комедии он похлопочет*. А теперь, эффект от *сцены* был *драматический*. В ней герой *употребил все свои силы* (в сцене дуэли, когда погибает Грушницкий, Печорин произносит фразу: «– *Finita la comedia!* – сказал я доктору»).

Как и в случае с Грушницким, герой «дискредитирует предмет обожания». В настоящей ситуации, такой желанный ковер на стену в кабинет Мери отправляется для покрытия, а по-простому, одеяния лошади. Для выразительного эффекта насмешки и прилюдного оскорбления, Печорин нарочно с уточнением автора *велит провести* лошадь с ковром под окнами

Мери. Тактика провокации дает положительные результаты: *княжна хочет проповедовать против меня ополчение.*

2.2.2 Конфликтные речевые стратегии и тактики Печорина в общении с Грушницким

При речевом конфликте часто используются коммуникативные ходы, реализующие тактику оскорбления и издевки. Это может быть негативная характеристика личности, либо отрицательная оценка, выявляемая через намеки. В стратегии дискредитации особую роль играет метафора, «поскольку через перенос наименования с одного объекта на другой, сходный с первым в каком-либо отношении, позволяет характеризовать последний, выразить к нему отношение» [31, с. 169].

О.С. Иссерс пишет, что классическим способом развенчания притязаний, является применение лексических единиц с положительной коннотацией в несоответствующем контексте с оскорбительно-уничижительным смыслом. Кроме того, в конфликтном общении часто используется прием навешивания ярлыков. К прагматическим приемам относятся различные импликатуры (намекы, провокации, предложения), а также нарушение правил речевого общения, когда не соблюдаются принципы уважения партнера [31, с. 173].

Мы выявили, что подобные речевые приемы часто использует Печорин в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в диалоге с Грушницким и дневниковых записях о нём.

Так, например, Печорин в дневниковых записях использует тактику негативной характеристики личности Грушницкого, чтобы в какой-то степени оправдать свое конфликтное речевое поведение с приятелем:

«Его цель – сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом уверился» [45, с. 512].

Актуализируя лексические единицы с положительной коннотацией («герой»), произнося слова, намекающие на романтическую сущность

(«существо, не созданное для мира»), Печорин унижает Грушницкого, дискредитирует его, как бы доказывая себе, что имеет право «быть палачом в руках судьбы». На наш взгляд, Грушницкого можно представить «героем романа», то есть романтического литературного произведения – в нем есть схожие качества, а именно, мечтательность, наивность, возвышенность чувств, некая инфантильность поведения. Печорин давно уже перестал быть романтиком, его взгляд на мир наполнен цинизмом [31, с. 173].

Приведем другой пример, когда негативная характеристика личности, отрицательная оценка выявляются через намек или несоответствующий контекст:

«Грушницкий слывет отличным храбрецом; я его видел в деле; он махает шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза» [45, с. 512].

При описании силы, стойкости, мужества своего сослуживца Печорин использует лексическую единицу «храбец», помещая далее её в предложение с ироническим смыслом («бросается вперед, зажмуря глаза»). Коннотация слова «храбый» не сочетается со смысловыми оттенками глаголов «махает», «кричит». Так, используя иронию, говорящий искажает положительное восприятие человека, бросающегося в бой.

Печорин использует также речевую тактику навешивания ярлыков:

«Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания» [45, с. 511].

«Он из тех людей, которые...» – такая отсылка не дает слушающему самостоятельно составить представление о человеке. Она дает готовое общее впечатление о личности Грушницкого. В данной отсылке используется карикатурный образ, который был заложен ранее, он ведет за собой цепочку ассоциаций, отсылающих к негативным чувствам. Такой «ярлык» нередко используется в анекдотах и различных юмористических рассказах, целью которых является высмеивание и создание образа поверхностного, глупого

человека. Кому рассказывает Печорин о таком Грушницком? Самому себе. Это автокоммуникация (личный дневник). Используется коммуникативная стратегия самооправдания: мы знаем, что Грушницкий убит, знаем, что он был спровоцирован на неблагоприятные поступки самим Печориным [31, с. 174].

Наряду с подобными речевыми тактиками, Печорин часто использует тактику манипулирования. В И. Шаховский в своём исследовании о лжи в реальной и художественной коммуникации упоминает, что целью лжи в диалоге является манипулирование адресатом. Обманув собеседника, манипулятор создает ложную ментальную картину, которая позволит отодвинуть обратную связь на неопределенное время. Такой прием был выявлен в следующем диалоге Грушницкого и Печорина [85, с. 187].

«– Ты видел? – сказал он, крепко пожимая мне руку, – это просто ангел!

– Отчего? – спросил я с видом чистейшего простодушия

– Разве ты не видал?

– Нет, видел: она подняла твой стакан. Если бы был тут сторож, то он сделал бы то же самое, и еще поспешнее, надеясь получить на водку. Впрочем, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сделал такую ужасную гримасу, когда ступил на простреленную ногу.

– И ты не был нисколько тронут, глядя на нее в эту минуту, когда душа сияла на лице ее?..

– Нет» [45, с. 515].

В данном фрагменте рассказывается, как Мери подала стакан больному Грушницкому. Печорин находился рядом и видел происходящее, но он идет на конфликтное речевое поведение: нарочно противоречит молодому юнкеру. Целью данной тактики было выплеснуть раздражение задетого эго, не признать, обесценить внимание Мери к Грушницкому. Показать искреннюю помощь девушки как что-то само собой разумеющееся. Мери не

заметила Печорина, зато увидела Грушницкого и готова была сочувствовать ему. Позже Печорин признает это сам в дневнике [90, с. 68].

В рассматриваемом фрагменте используется эмоциональное воздействие адресанта (Печорина) на адресата (Грушницкого), путем целенаправленного манипулирования эмоциональным состоянием собеседника, и выражается оно в «оценке действий и поступков самого собеседника или относящихся непосредственно к нему самому» [86, с. 57]. Печорин, зная о чувствах Грушницкого к Мери, намерено не замечает восторга юнкера, и уверяет его в незначительности внимания девушки, тем самым обесценивает важность случившегося и задевает чувства Грушницкого.

Также, обратимся к фрагменту №3 (см. в приложении), Грушницкий «принял таинственный вид» в надежде, что Печорин задастся вопросом и обратит внимание. Юнкер общался с княжной, он доволен и горд собой «ходит, закинув руки за спину, и никого не узнает». Автор намеренно вносит такую деталь. А. Пиз [54, с. 79] данный жест относит к поведению уверенного в себе человека, ощущающего превосходство над другими в коммуникативном акте. Герой догадался и решает этим воспользоваться.

Печорин подтверждает незаинтересованность в княжне отзеркаленным словом из фразы Грушницкого «решительно». Такой прием – воспроизведение слов за собеседником – помимо освобождения от надобности думать над формулировкой ответа, позволяет сблизиться с ним и уверить в достоверности слов. Герой перебивает Грушницкого, сбивает русло разговора и перенаправляет в нужную ему сторону, чтобы получить информацию о княжне. Обращение «мой друг» не позволяет диалогу приобрести негативный оттенок и задает коннотацию дружественности. Лексема «нездешнее» помогает не выделять, не указывать на подразумеваемую компанию, и вместе с тем, высказать отношение, размывая рамки. Как итог, Печорин не отвечает конкретно на вопрос, сбивает с мыслей

Грушницкого, вводит в заблуждение неопределённой оценкой и задает интересующий его вопрос.

Далее, Печорин, пользуясь слабостью юнкера, делает ряд комплиментов приятелю «ты гораздо интереснее», «выгодным положением», «шинель делает тебя героем и страдальцем». Тактический ход имеет успех, Грушницкий теряет бдительность и спесь, которые были в начале разговора.

– *Да я вовсе не имею претензии ей нравиться: я просто хочу познакомиться с приятным домом, и было бы очень смешно, если б я имел какие-нибудь надежды....* Обратим внимание, этими же словами Печорин ответит Грушницкому на балу, когда Мери выберет его вместо юнкера.

Задоблив Грушницкого, Печорин придерживается тактики: вновь перебивает и выводит на нужную ему тему *женщины любят только тех, которых не знают*, с целью узнать мнение княжны о себе. И чтобы приятель не обнаружил его замысел, использует «вопрос – ускользание» как уход от прямого ответа: *Как? она тебе уж говорила обо мне?*

Помимо передачи событийной информации, между Грушницким и Печориным, происходит словесное соперничество («*Печорин! я тебя не поздравляю*»), которое герой не намерен проигрывать. Грушницкий хвастается успехами с княжной, её расположением и в противовес говорит о «неприятном» и «дурном» впечатлении о Печорине.

Данная речевая формула: *Надобно заметить ... из тех людей, которые...* – это прямая отсылка на готовое общее замечание о личности Грушницкого, не раз используемая героем. Она носит ироничный характер, рисуя глупое бахвальство, гордость и слепое самолюбие.

Печорин показывает, что, еще не узнав характера дамы, Грушницкий воображает себя её кавалером, тогда как мнение девушки еще не известно: *она имела счастье им понравиться*. Надумывает, как ребенок, не желая замечать действительность происходящего.

Вместе с тем, автор показывает сущность самого Печорина. Открывает читателям его едкие саркастические наблюдения по отношению к

окружающим даже в мелких деталях его речи. Печорин подчеркивает, выделяет несуразность, смеется и, тем самым, возвышается в своих глазах. Такая деталь точно обнажает изначальную конфликтную направленность к миру.

Провокацию и агрессивное воздействие мы находим далее. Печорин, принимает «серьезный вид» для весомости и внушительности произносимого. Раскрывает острую и колкую правду под видом остререгающего совета, с целью задеть чувства и посеять сомнения и нерешительность в сердце приятеля. По классификации Н.И. Формановской, иллюкутивное значение данного коммуникативного акта – директив, стратегия направлена на провокацию Грушницкого и эмоциональную разбалансировку. Офицер заставляет юнкера испытывать унижение, страдание и бессилие: *княжна, кажется, из тех женщин, которые хотят, чтоб их забавляли; если две минуты сряду ей будет возле тебя скучно, ты погиб невозвратно;*

Диалог содержит пресуппозицию, импликацию, предположение и косвенный речевой акт. Ван Дейк относит к стратегии, позволяющей говорящему избежать формулирования некоторых частных суждений и перевести их в русло более общих, общепризнанных знаний или мнений, за которые говорящий не несет ответственности. Это прослеживается через следующие типовые маркеры.

Печорин, за весь разговор с Грушницким о княжне, не называет Мери по имени. О княжне говорит, абстрактно или в третьем лице. При описании характера использует тактику навешивания ярлыка: *княжна, кажется, из тех женщин, которые;* неоправданно типизирует девушку: *русские барышни большею частью питаются только платонической любовью, не примешивая к ней мысли о замужестве;* и применяет негативно окрашенные имплицативные конструкции: *если две минуты сряду ей будет возле тебя скучно, ты погиб невозвратно; если ты над нею не приобретешь власти, то даже ее первый поцелуй не даст тебе права на второй;*

Употребляет преимущественно императивные выражения: *твое молчание должно возбуждать ее любопытство, твой разговор – никогда не удовлетворять его вполне; ты должен ее тревожить ежеминутно;*

Таким образом, сказанное Печориным имеет условный характер и строится на предположении. Герой делает акцент на «принижении личной значимости» и «различии социального статуса». Сказанное о Мери не подкреплено фактами и не относится к реальному положению дел. Герой исходит из личного мотива и стремления. Императивные конструкции, слова – императивы, тактики воздействия демонстрируют лексические единицы, подобранные с целью заставить Грушинского думать однобоко, воздействовать на его чувства и усомниться в себе, что указывает на РА конфликтного типа.

Печорин внимательно наблюдает: *Грушницкий ударил по столу кулаком и стал ходить взад и вперед по комнате.* Герой отмечает, что успешно реализует стратегию. Грушницкий нервничает, автор указывает на это посредством походки и жестового поведения юнкера. Перлокутивный эффект речевого акта достигнут и офицер насмехается над слабостью другого: *я внутренне хохотал и даже раза два улыбнулся.*

Рассмотрим следующим фрагмент №4 (см. в приложении). В сцене реализуется стратегия скрытого соперничества. Герой видит напыщенность и довольство Грушницкого, знает о стремлении юнкера доказать своё превосходство и обойти приятеля. В ответ Печорин предлагает волочиться за княжной, с целью показать, что завоевать Мери – просто, и если Печорин захочет, то девушка тоже ответит на его ухаживания. Завязывается пари.

Какие тактики, позволили положить открытое «соревнование»?

Для начала, обозначим, что ремарки, введенные автором, показывают, что внутренние реакции Грушницкого не совпадают с внешними проявлениями. У него появляются приметы выдающие скрываемые чувства. Печорин не только с легкостью считывает их, но также вводит в заблуждение

Грушницкого подделывая собственные. Так, опираясь на «видимое» вранье и «создавая» своё Печорин выводит диалог в свою пользу.

– От княгини Лиговской, – сказал он очень важно. – Как Мери поет!

Услышав быстрые и неровные шаги приятеля, Печорин догадывается о переменах в общении Грушницкого и Мери. Юнкер горд и спешит похвастаться перед ним «очень важно» рассказывая о случившемся. Офицер, видя довольство товарища, и испытывая внутреннее одиночество: *Я чувствовал необходимость излить свои мысли в дружеском разговоре; хочет противоречить юнкеру.*

Фраза *Знаешь ли что?* содержит острое противоречие. Печорин указывает юнкеру на ошибочное толкование происходящего и обман ожиданий девушки, сокрытие истины от неё. Скрытое подначивание, определяет структуру многозначности выражения и влияет на актуализацию смысла в контексте обвинения в сочетании с выражением *держать пари*. Смысловой контекст передает уверенность героя в том, что юнкер обманывает княжну. И далее утверждает это: *она думает, что ты разжалованный.*

Герою удается задеть юнкера: *сказал он рассеянно*. Печорин отступает: *нет, я только так это говорю*. Не нарушает видимость приятельства и оставляет Грушницкого переживать замешательство.

В ответ Грушницкий предпринимает попытку вновь уколоть самолюбие приятеля, через мнение княжны о Печорине. Герой не считает нужным противоречить, использует тактику несопротивления, чтобы дальше задать интересующий его вопрос и вывести диалог в нужное русло, а именно, показать внешнюю незаинтересованность в княжне и сложить разговор так, чтобы мотивация поведения «поволочиться» за княжной исходила из вне.

Отметим также, в моменты, когда Грушницкий честен с приятелем, Печорин не отступает от конфликтной интенции и подспудных наблюдений: *О-го! – подумал я, – у него, видно, есть уже надежды*. Герой не озвучивает их и не обсуждает.

Характерна для героя тактика «намеренного умалчивания», с целью вынудить собеседника прямо задать вопрос. Печорин замечает ухищрения Грушницкого («Я внутренно улыбнулся»), но не говорит о своих чувствах к девушке и не высказывает сожаления или раскаяния, более того, показывает абсолютную незаинтересованность: *сказал я, зевая, и встал, чтоб идти*. Тем не менее, герой ждет и хорошо понимает, что Грушницкий жаждет узнать о них. Печорин ждет вызова, чтобы ответить на него. Как итог, стратегия подчинения срabатывает, и Грушницкий спрашивает прямо.

Грушницкий не подозревает о тактической провокации и диалог оборачивает дальнейшие события в открытое соревнование, где Грушницкий не сможет обвинить Печорина в намеренном ухаживании за княжной или скрытом предательстве, т.к. внешне все выглядит так, словно сам юнкер подстегнул приятеля на спор: *чтоб тебе сделать удовольствие, стану волочиться*.

Для Печорина характерна скрытая насмешка над окружающими, иногда помимо его собственных размышлений, она проявляется и в диалоге. В фрагменте №7 (см. приложение А) Печорин, внешне, выражает Грушницкому комплимент, однако для молодого юнкера, желавшего выглядеть старше своих лет, он будет оскорблением. Заведомо зная о желании Грушницкого выглядеть старше, приятное в общем понимании, акт доброжелательности, тем более при даме, содержит скрытую насмешку и, более того, оскорбление личности Грушницкого. Комплимент Печорина несет оттенок отношения, как к не выросшему, младшему, «как все мальчишки», незрелому. Печорин, возвышаясь, ставит Грушницкого ниже статусом, чем он сам. Разрушает образ, который так старательно возводил Грушницкий, тем самым, приобретая в глазах девушки право говорить, как человек, проживший и повидавший жизнь. При этом, внешне, дискредитация, подтверждаемая самим Печориным: *Грушницкий не вынес этого удара*, выглядит совершенно безобидно.

Рассмотрим речевую деятельность героя на инцидентной стадии конфликта. В фрагменте №9, исходя из диалога, мы видим, что Грушницкий не ожидал обмана Печорина, однако, чтобы скрыть переживание и уязвленное самолюбие, обращает случившееся в обычное товарищеское соперничество: *ты выиграл пари – только не совсем*, и намеренно принижает статус девушки: *от девчонки... от кокетки*. Печорин, наблюдая за ложью и притворным пренебрежением Грушницкого к Мери, отражает колкость юнкера используя несколько раз тактику «вопрос – нападение»: *Ну, так что ж? А разве это секрет*, вплетая в нее иронию: *пеняй на свою шинель или на свои эпoletы, а зачем же обвинять ее?* и насмешку *Чем она виновата, что ты ей больше не нравишься?...* Юнкер не признается в своей лжи, и герой умело играет, применяя тактику «вопроса – провокации»: *Зачем же ты надеялся? Желать и добиваться чего-нибудь – понимаю, а кто ж надеется?*, вынуждая этим Грушницкого признать проигрыш. Произнесенная героем фраза не случайна, Печорин повторяет слова Грушницкого, сказанные ранее *и было бы очень смешно, если б я имел какие-нибудь надежды...* По классификации Н.И. Формановской, иллюкутивный показатель коммуникативного акта – директив, он содержит конфликтную социально-коммуникативную цель.

Тактику отказа от инициативы или, как её называет Т. Шеллинг, «спихивание ответственности на врага» мы прослеживаем в фрагменте №10. Перед самой дуэлью, зная о замысле против него, Печорин ставит условие – встать на краю площадки, где *даже легкая рана будет смертельна*, тем самым, ставя Грушницкого перед нелегким выбором: *он должен был выстрелить в воздух или сделаться убийцей*. Печорин знает, что Грушницкий не хочет терять вид в глазах других, и что Грушницкий не сможет убить: *ему было стыдно убить человека безоружного; он бросится к ногам моим, умоляя о прощении; но как признаться в таком подлом умысле?..; я был уверен, что он выстрелит на воздух!*. Поэтому испытывает его и намеренно не приводит дуэль к мирному соглашению: *Я решился*

предоставить все выгоды Грушницкому; перекладывая всю ответственность за происходящее на молодого юнкера. «Идентифицируя», одна из тактик манипулирования по Т. Шеллингу, и основываясь на знании о характере и системе ценностей Грушницкого, ведь *самолюбие и слабость характера должны были торжествовать*, герой применяет их в свою пользу, что приводит к гибели Грушницкого [87, с. 173-176].

2.2.3 Лексические средства, демонстрирующие проявление речевого намерения Печорина в общении с Мери

Обратимся к короткому, но немаловажному и показательному фрагменту №7. Как и в отношениях с Грушницким, Печорин умеет держать дистанцию в общении, позволяющую создать видимость независимого и мыслящего иначе других человека. Образ, сформированный самим Печориным, обеспечивает возможность говорить прямо, бесцеремонно, не придерживаясь речевых норм приличий. Печорин знает об этом и умело пользуется.

В отсутствие Грушницкого, беседуя на балу с Мери, офицер оскорбляет приятеля и приглашает девушку тоже, полагая, что понимает её чувства и мысли. Печориным осуществляется стратегия подчинения: *признайтесь*, с оценочным и эмоциональным воздействием на мысли и восприятие девушки: *он всегда был очень смешон*. Такая манипуляция с образом Грушницкого, уже подпорченным ранее в глазах Мери, позволяет Печорину влиять на отношение девушки к юнкеру. Выставить его как простого, нелепого. Недостойного её внимания.

При этом, обратим внимание, как умело Печорин реализует тактики внутри стратегии. Во-первых, высмеивает Грушницкого, во-вторых, дает негативную оценку, влияющую на сознание девушки, и в-третьих, отпускает колкость в сторону Мери, путем использования тактики провокативного вопроса: *но еще недавно он вам казался интересен... в серой шинели?...* Также, присутствует скрытое обвинение в сторону девушки. Печорин уличает Мери в том, что её выбор и заинтересованность человеком,

определяется по внешним признакам, в частности, одежде и впечатлению, которое он производит на окружающих. Слова героя задевают девушку: *она потупила глаза и не отвечала*. Как итог, Мери перестает замечать Грушницкого и испытывает негативные чувства к нему: *после третьей кадрили она его уж ненавидела*.

Рассмотрим еще один, свойственный манере Печорина, пример конфликтного коммуникативного общения. В завершающей сцене балла, фрагмент №10 (см. приложение). Грушницкий и его товарищи весь вечер занимали внимание Мери. Герой отмечает: *ей хочется говорить со мной, ей мешают, – ей захочется вдвое более*. И когда мазурка кончается, княжна говорит, что её чувства встревожены, манипуляции Печорина во время бала удались. Мери думает о нём: *Я дурно буду спать эту ночь*. Печорин знает её душевное состояние, но держит словесную дистанцию согласно плану. *Этому виноват Грушницкий* – брошенная фраза несет интенциональность дистанции и в то же время, речевая тактика «обвинение третьего лица», направлена на прикрытие истинного смысла слов Мери. Печорин сознательно «перекидывает» виновного, чтобы не дать девушке настроить эмоционально близкие, открытые речевые отношения между ними. И когда эмоциональное расстояние между ними снова увеличилось, Печорин разграничил их: *лицо ее стало так задумчиво, так грустно*; герой целует руку девушки, вновь возвращая к себе её мысли.

Поведение Печорина несет двойное послание: с одной стороны, он соблюдает рамки приличия, с другой, украдкой целует руку девушки, пока никто не видит, тем самым переходя их. Иллокутивный показатель коммуникативного акта – директив, стратегия направлена на подчинение и воздействие на чувства Мери.

Обратимся к фрагменту приложения №5 от слова «я пошел к княжне» до «– *Нет, отгадайте, – о вы, отгадывающий все на свете!*». Общая коммуникативная цель Печорина – познакомиться с княжной и войти в круг её доверия, чтобы потом «волочиться» за ней. В глазах Мери, если Печорин

хочет завести знакомство с ней и её домом, то непременно должен сделать первый шаг и получить её расположение и одобрение. Однако героя не радует позиция зависимого от женщины, поэтому берет ход развития событий в свои руки. Печорин играет на самолюбии, гордости Мери. Задев её, показав необычный, несвойственный кругу общения девушки, характер, и обеспечив себе внимание, Печорин выходит на мирный диалог с позиции жертвы случая и непонятого другими, ломая стереотип о правилах первого знакомства и отличаясь на фоне других офицеров.

Так, «пользуясь свободой обычаев», герой приглашает девушку танцевать. Автор, глазами Печорина, показывает, каким образом отреагировала Мери: *едва может принудить себя не улыбнуться и скрыть своё торжество*», «принять равнодушный и даже строгий вид. Печорин видит её гордость и торжество, и оборачивает это в свою пользу «принимая самый покорный вид», изображая человека «заслужившего немилость» и желающего это исправить.

Как было отмечено ранее, стратегическая цель – попасть в круг общения княжны. Печорин, самоуверенный в словах и действиях, меняется в образе, становясь в позицию просящего. Речевые тактики мы видим в осторожно подобранных, пассивных и предельно вежливых высказываниях героя по отношению к девушке.

Вовремя услышанный разговор и умение оборачивать все в свою пользу помогают ему. Герой отмечает, что Мери «готова упасть в обморок от страху и негодования», тут же приходит на помощь и спасает её. Печорин вознагражден *глубоким, чудесным взглядом* и благодарностью от мамы девушки, приглашением на вечера к Лиговским.

Печорин скучает (танцы с Мери «тянулись ужасно долго») и, когда они наконец уселись, как и в случаях с Грушницким, герой, *запутанной фразой* намекает о давнем интересе к ней. Продолжая играть свою роль, Печорин делает признание, что не хотел знакомиться с княжной, потому что её *окружает слишком густая толпа поклонников и он боится исчезнуть*

совершенно в ней. Во фразе содержится скрытая лесть. Данная тактика используется с ожидаемым результатом снисхождения или сочувствия, чтобы Мери прониклась чувствами к герою.

Данные комментарии можно подкрепить лексическими доказательствами, проанализировав прилагательные и наречия служащие эпитетами, которые использует Печорин реализуя свои стратегии и тактики. Герой, в начале данного эпизода, считывает коммуникативные намерения Мери, наблюдая за её невербаликой: *она приняла равнодушный и даже строгий вид; небрежно опустила руку на моё плечо, наклонила слегка голову набок; она запыхалась, глаза её помутились.* Автор, отображая невербалику, показывает при помощи оценочных прилагательных «строгий вид» девушки.

И исследуя речевое поведение Печорина, видим лексику связанную с коммуникативным намерением героя обмануть Мери («герой сделал самый покорный вид», автор выбирает превосходную степень), однако перлокутивный эффект не был достигнут, поскольку Мери использует тактику недоверия: *вам это будет довольно трудно.* О том, что перлокутивный эффект не достигнут сигнализирует невербальная характеристика героя «с некоторой досадой», оно выдает намерения героя. В ответ Печорин использует тактику скрытой угрозы, причем активно использует слово *преступник*, намекая на то, *что преступник может сделаться еще вдвое преступнее ...и тогда ...* В этом многозначительном *и тогда...* слышится угроза.

Анализируя эпизод, мы увидели, что убедили Мери не слова, а поступок. Печорин защитил растерявшуюся девушку, не оставив её в проблемной ситуации. Тем не менее, он продолжает словесную атаку: у него есть фразы, *которые у всякого должны быть заготовлены на подобный случай.* Причем *запутанные* фразы.

Прилагательное «запутанные» подчеркивает, что герой хочет запутать, обмануть героиню. Для этого он использует в своем дневнике глаголы, свидетельствующие о словесной манипуляции, *дал ей почувствовать... что*

она мне нравится, признается, что *боялся исчезнуть в толпе поклонников*. Эти глаголы даны в прошедшем времени, они часто используются в тактике разоблачения противника Грушницкого.

Использует тактику понижения статуса оппонента, Печорин иронически говорит о Грушницком: *я был некогда сам юнкером*, намек на то, что теперь статус изменился, а Грушницкий по-прежнему пребывает юнкером. Перлокутивный эффект достигнут, и вновь для этого используется глагол прошедшего времени: *а я думала*, – *говорит она разочарованно*.

Совершенно иначе ведет себя Печорин с Вернером, человеком, который является его двойником, а значит понимает его совершенно как самого себя. Печорин говорит, что спас Мери от обморока «как это? Расскажите!...» –, просит его Вернер. На это Печорин дает характерный ответ: *нет, отгадайте*, «Отгадайте» будущего времени свидетельствует о том, что все это была игра и отгадать его намерения может только Вернер и вдумчивый читатель.

Некоторую прозорливость автор приписывает и княжне Мери. В фрагменте №6 девушка характеризует Печорина так: *Вы опасный человек!* – *сказала она мне*, – *я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок...* и на вопрос Печорина: *разве я похож на убийцу?..* она отвечает: *вы хуже*. Не поступков, а речей Печорина, боится Мери. Она понимает их манипулятивную силу.

Стратегия Печорина – завоевать сердце девушки. И один из действующих, по его мнению, методов – сострадание. Прежде всего, в разговоре во время прогулки, отмечается градация: *Я начал шутя – и кончил искренней злостью*. Герой использует её с целью постепенного создания эмоционального накала: *сперва это ее забавляло, а потом испугало*. К признанию, которое является кульминацией в данном РА, подводит тактика «вопрос-провокация»: *Разве я похож на убийцу?* После него девушка вынуждена не только подтвердить слова, но и обвинить Печорина в черствости и жестокости.

В ответ, героем используется провокативный жанр признания. Это комплексный речевой жанр, речевое содержание которого выявляет сообщение о внутреннем состоянии говорящего, его намерениях, усилиях с целью продемонстрировать психологическое состояние откровенности, доверительности, исповедальности. Печорин, полагаясь на мягкосердечие девушки, раскрывает Мери о переживаемых душевных ранах. Тактика героя строится на видимой искренности, которая должна вызвать эмоциональный отклик, сочувствие и сопереживание [63, с. 22-23].

О фальши и манипуляции героя мы понимаем через ремарку: *Я задумался на минуту и потом сказал, приняв глубоко тронутый вид.* Печорина не трогает то, в чем он хочет признаться. Автор дает этому предельно точное описание. Во-первых, герой задумывается на определенное время, то есть держит паузу. Это прием, к которому прибегают ораторы для обеспечения внимания аудитории или манипуляторы, создающие пустое пространство, в которое говорящий должен сам заложить чувство близкое к его настроению, личной эмоциональной склонности или «сонастройке» по партнеру диалога. Во-вторых, «задумался» – подчеркивается значимость и глубина того, что будет сказано дальше. В-третьих, и только потом, когда создано эмоциональное напряжение, когда создан фасад важности и глубины, Печорин принимает глубоко тронутый вид. И если в начале тактики, Мери могла не понять, почему Печорин молчит и почему впал в задумчивость или, как другой вариант, возможно герой придумывает как защититься от слов девушки, то к моменту первых слов, выстроенные ранее манипуляции начинают обретать глубокий смысл в сознании девушки.

Печорин тонко, грамотно и изящно выстроил каждый этап стратегии. Основное намерение выражается в стремлении передать демонстрируемое психологическое состояние девушке. Цель данного речевого акта – вызвать ответную ожидаемую реакцию на собственное поведение, основываясь на особенностях характера девушки: мягкости и доверии [63, с. 14]. Стратегия лежащая в основе РА выражается в подчинении воли другого человека

собственной воле. Важно, что данный мотив опирается на априорную самоуверенность в собственной силе и особых полномочиях.

«В эту минуту я встретил ее глаза» Печорин произнес монолог и, теперь, внимательно отслеживает реакцию княжны. Об удачном перлокутивном эффекте мы понимаем со следующих строк: *ей было жаль меня!* ; *во все время прогулки она была рассеянна, ни с кем не кокетничала, – а это великий признак!*. Обращая внимание на телесное поведение Мери, герой торжествует, удавшемуся трюку. Он радуется как отдельно получившейся уловке, так и складыванию, смыканию его постановки в целом. Для описания изумления героя, сильного чувства, волнения в предложении используется восклицательный знак. Герой объясняет причину изумления: *Сострадание – чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее неопытное сердце*. Печориним подмечается простота и действенность используемой тактики.

Для подтверждения достоверности анализа, обратимся к комментариям В.Г. Белинского: *«Бедная Мери! Как систематически, с какою рассчитанною точностию ведет ее злой дух по пути погибели!»*. Еще один признак, подтверждающий об охоте Печорина за сердцем девушки, это метафора, которой пользуется герой для описания произведенного впечатления «Сострадание...впустило свои когти в ее неопытное сердце». В ранее рассматриваемых эпизодах, герой не раз прибегал к методу ассоциативного ряда. Ассоциативное поле читателя порождает смысловые цепочки, в которых когти, о которых говорит герой, это его собственные руки или манипуляции, совершаемые им над сердцем, самой сущностью девушки. Он зверь, стремящийся заполучить в свои лапы «неопытную», т.е светлую, чистую, и в некотором роде, детскую душу.

2.2.4 Иллокутивная сила монолога Печорина «Зачем я жил...»

Чтобы установить речевую интенция представленного автором монолога «Зачем я жил...», рассмотрим его с трех позиций: 1) персонажа-Печорина (каково намерение героя и зачем он пишет свой дневник);

2) рассказчика-странствующего офицера (его внутреннего диалога с героем как попытки разобраться в себе самом); 3) «всевидящего» автора-М.Ю. Лермонтова, который оформляет текст как послание читателям, горестное размышление о «герое своего времени».

Проанализируем контекст, в который помещен монолог, начинающийся фразой: «Зачем я жил? для какой цели я родился?», изучим предшествующие ему события. Какие ключевые моменты предшествовали дуэли? 14-го июня Печорин пишет, что *презирает* себя. Он *боится показаться смешным самому себе*, при упоминании о *женитьбе*, его чувства *превращаются камень*. Герой держится за свою независимость и свободу: *двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам*. И всякий намек на её потерю, встречает сопротивление и заставляет его отстаивать свою волю. Из записи мы понимаем, что Печорин умереть не готов. Репрезентативы свидетельствуют о намерении бороться за себя и свою жизнь.

В связи с этим, обратимся непосредственно к самому монологу, обозначенному датой 16 июня. Герой уже предполагает возможность своего превосходства в поединке. В ночь перед роковым событием Печорин просчитывает свои действия: *надо бы заснуть, чтоб...* на дуэли завтра у героя *рука не дрожала*. Данный фрагмент демонстрирует рассуждения, косвенно подтверждающие внутреннюю уверенность: *на шести шагах промахнуться трудно*. Он знает о *мистификации* – обмане Грушницкого и планирует свою победу, задумав изменить ход событий: *мы поменяемся ролями*. Уличив Грушницкого в подлоге пистолета и став убийцей, герой готов *быть топором в руках судьбы*.

Речевое намерение этой автокоммуникации наиболее всего обнаруживается, когда герой заявляет, что в случае его смерти, не останется никого, кто бы на самом деле понимал его сущность: *одни скажут: он был добрый мальчик, другие – мерзавец. И то и другое будет ложно*. Печорин признается, что несмотря на то, что в нем самом живут *два человека*, где

один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его. Он живет не сердцем, а головою. Он без участия, взвешивает свои собственные страсти и поступки. За подтверждением очевидности таких намерений, обратимся к строкам, написанным далеко после дуэли: Перечитываю последнюю страницу: смешно! Я думал умереть; это было невозможно: я еще не осушил чаши страданий, и теперь чувствую, что мне еще долго жить. В них мы четко прослеживаем двойственность героя: Печорина-«первого», который волнуется перед дуэлью, и Печорина-«второго», наблюдающего, размышляющего и иронизирующего над собственными слабостями и тревогой. Герой к прошлому подходит с позиции анализа, что дает основание считать, что в поединке этих двух ипостасей одного человека, победу одержала расчетливая, гордая, взвешивающая «часть», которая без колебаний способна опустить «топор» на судьбы людей.

Обратим внимание на такие мысли героя М.Ю. Лермонтова: *было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные....* Не колеблется герой, потому что ощущает себя вправе распоряжаться окружающими, руководствуясь чувством «избранности». Сталкиваясь с подобным отношением к жизни («сколько раз уже я играл роль»), мы видим, что личностные переживания не были задеты, он относился ко всему *часто без злобы, всегда без сожаления.* Он признается, что *томим голодом чужих радостей и страданий, они для него роскошные кушания и шипучие вина. Пожирая их, герою кажется легче,* однако, когда *приманка страстей пустых* перестает волновать его, то *мечта исчезает,* оставляя только *удвоенный голод и отчаяние.* Таким образом, монолог героя – это демонстрация речевой интенции совершить действие. Дуэль – реализация намерения в поступке.

Кроме того, монолог содержит позерство и, согласно классификации Н.И. Формановской, несет декларативную направленность. Автор «коммуницирует» с героем и иронизирует над ним, подобно тому, как Печорин насмехается над Грушницким, над его страстью производить

эффект и *уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страданиям.* Это прослеживается через лексические средства: следует обратить внимание на оттенки слов и выражений, используемых Печориным в монологе. Отношение героя к жизни, как к театру, где люди – фон для осмысления его личности.

Так, фраза *мы поменяемся ролями*, во-первых, предполагает сценарий, и, следовательно, будет «постановка» и «зритель», во-вторых, намекает читателям на то, что герой сам организует вокруг себя пространство и дает роли другим людям согласно его собственным предпочтениям. Поэтому, на спланированный обман Грушницкого, герой придумывает свой сценарий, в котором заставляет помучиться юнкера и сделать выбор между потерей облика в глазах других или потерей жизни: *Я – как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова... прощайте!* Печорин смотрит на себя со стороны и соотносит с типизированной ролевой моделью поведения. Роль «героя-наблюдателя» (подобно зрителю в театре) мы находим в следующих словах: *все живешь – из любопытства: ожидаешь чего-то нового....* Печорину *любопытно* как развернется сюжет жизни дальше. Он находится в *ожидании чего-то нового*. Герой говорит о новой роли или новой *комедии*, так как старая *постановка закончена* («Finita la comedia!»).

Нами был проведен опрос среди читателей (студентов) с целью выяснить перлокутивный эффект монолога Печорина как коммуникативного акта. Были заданы следующие вопросы: вызывает ли герой сочувствие; кто он добрый малый или мерзавец; для чего Печорин записывает монолог в дневнике; есть ли в романе хоть одно «существо, способное понять Печорина»; хотелось ли читателю отговорить Печорина от дуэли? Проанализировав ответы, мы пришли к выводу, что перлокутивный эффект монолога был достигнут. Читатель, выделил героя «как личность сильную, но глубоко несчастную» из-за личностных особенностей. При этом, читатель

сострадает Печорину: герой вызвал у него «яркие и неоднозначные чувства». Он стремится «понять и оправдать» его.

Таким образом, монолог Печорина в аспекте коммуникативной лингвистики показал, что М.Ю. Лермонтов нарисовал противоречивую индивидуалистическую натуру, обладающую незаурядными способностями и качествами, которая, не найдя им должное применение, не примирилась сердце с умом, по причине внутреннего конфликта, готова на страшные поступки. Герой презирает людей и высмеивает их слабости, хотя не может обуздать и свои. Автор, безусловно, сочувствует герою и вместе с тем обличает все его пороки и поступки, демонстрируя, к чему приводят конкретные речевые намерения, несущие конфликтогенный потенциал.

2.3 Лингвопрагматические маркеры в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», отражающие особенности ссоры

Понимание того, что говорят, подразумевает извлечение из сообщения информации, которая заложена в языковой структуре. Выявление смыслового содержания по внешней оболочке выражения, «взгляда сверху», относится к «поверхностному» типу расшифровки информации. Оно возможно, поскольку языковые структуры имеют знаковую природу и за ними стоят значения, смыслы, которые можно открыть и понять. Также, есть второй тип высказываний, требующий «глубинного» метода осмысления, по внешней языковой оболочке которых, не удастся сразу установить сути заложенной информации. В данном типе сообщений расшифровка или декодирование происходит благодаря подтягиванию сторонних ассоциативных, смысловых или информационных структур, которые при синтезе имеющихся и взятых из вне, образуют полноценное сообщение для его адекватной интерпретации [72, с. 122-125].

В речевом общении, передаче и принятии информации заложен сложный комплекс процессов. Субъективный аспект в анализе и понимании предмета разговора участниками коммуникации создает искажения и препятствует пониманию первоначального посыла. По причине того, что каждый человек одно и то же сообщение воспринимает по-разному, имея отличные персональные смысловые контексты понимания, первостепенной задачей адресанта становится выбрать понимаемые и адекватные варианты языковых и речевых единиц для передачи содержания нужного сообщения в соответствии с целями и условиями общения. В свою очередь, задача адресата – распознать речевое послание адекватно намерению говорящего. Зашифровка и дешифрование текста происходит благодаря ранее полученным и усвоенным в общей ментальной картине мира знаниям. При сопоставлении информации, полученной из сообщения с информацией ментальной картины мира, «карты реальности» коммуниканта.

Перлокутивный эффект коммуникативного акта, свидетельствует о правильности или неправильности подобранных средств и способов кодирования и декодирования текста (содержания). Неадекватность обнаруживается, когда один из коммуникантов не смог в должной мере сформировать, сформулировать или, наоборот, расшифровать понятное, «удобно распознаваемое» послание. Приведем следующие возможные линии вариантов схем, отражающие коммуникативный эффект от взаимодействия (где S – собеседник):

- схема 1: S1 адекватен КА - S2 адекватен КА;
- схема 2: S1 адекватен КА - S2 неадекватен КА;
- схема 3: S1 неадекватен КА - S2 адекватен КА;
- схема 4: S1 неадекватен КА - S2 неадекватен КА.

Применение средств и способов кодирования, не соответствующих целям коммуникативного акта, означает неадекватность. Адекватность S2 коммуникативному акту означает соответствие средств и способов расшифровки им информации коммуникативного акта. Неадекватность – применение воспринимающим средств и способов декодирования, не соответствующих содержанию коммуникативного акта.

Печорин не всегда соблюдает частоту и ясность речевых намерений. В этом мы можем убедиться на примере его монологов и диалогических высказываний. Индивидуальные смысловые контексты его и оппонента не всегда совпадают. Он вводит в заблуждение различными речевыми приемами или оставляет собеседника в непонимании, вынуждает его додумывать. Прежде всего коммуникативная интенция выстроена ради забавы и осуществления личных мотивов. Он не воспринимает людей «всерьез», черпает жизнь из людских страданий и пренебрегает их чувствами. Реализация взаимодействия между героем романа и остальными персонажами, преимущественно, проходит по схеме 3 [72, с. 122-133].

Согласно классификации К.Ф. Седова, существует 14 речевых маркеров ссоры. Из них 9 было выявлено на материале романа: угроза,

злопожелание, грубое прерывание коммуникативного акта, возмущение, насмешка, колкость, упрек, обвинение и молчание (таблица 1).

Таблица 1 – Речевые маркеры ссоры в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Тактики ссоры	Примеры
Угроза	«– Грушницкий! – сказал я, – еще есть время; <i>откажись от своей клеветы, и я тебе прощу все</i> . Тебе не удалось меня подурочить, и мое самолюбие удовлетворено; – вспомни – мы были когда-то друзьями...» [45, с. 573].
Злопожелание	«– А я пойду шататься, – я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдем лучше в ресторацию, там игра... мне нужны нынче сильные ощущения... – <i>Желаю тебе проиграться...</i> » [45, с. 531].
Грубое прерывание коммуникативного акта	«– <i>Mon cher</i> , – отвечал я ему, стараясь подделаться под его тон, – <i>je meprise les femmes pour ne pas les aimer car autrement la vie serait un melodrame trop ridicule</i> []. Я повернулся и пошел от него прочь» [45, с. 514].
Возмущение	«– Однако признайся, ты раскаиваешься?.. – <i>Какой вздор!</i> если я захочу, то завтра же буду вечером у княгини...» [45, с. 530].
Насмешка	1. «– Да, я случайно слышал, – отвечал он, покраснев, – признаюсь, я не желаю с ними познакомиться. Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью? – <i>Бедная шинель!</i> – сказал я, усмехаясь, – а кто этот господин, который к ним подходит и так услужливо подает им стакан?» [45, с. 513]. 2. « <i>Впрочем, кажется, в ее лице только и есть хорошего... А что, у нее зубы белые? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу</i> » [45, с. 514]. 3. «Только тогда бедный юнкер заметил мое присутствие. – Ты видел? – сказал он, крепко пожимая мне руку, – это просто ангел! – Отчего? – спросил я с видом чистейшего простодушия. – Разве ты не видал? – <i>Нет, видел: она подняла твой стакан. Если бы был тут сторож, то он сделал бы то же самое, и еще поспешнее, надеясь получить на водку. Впрочем, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сделал такую ужасную гримасу, когда ступил на простреленную ногу...</i> » [45, с. 515].

Продолжение таблицы 1

Тактики ссоры	Примеры
	<p>4. «– А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно рассердил? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу мог ее уверить, что ты так хорошо воспитан и так хорошо знаешь свет, что не мог иметь намерение ее оскорбить; она говорит, что у тебя наглый взгляд, что ты, верно, о себе самого высокого мнения. – <i>Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?</i>» [45, с. 530].</p> <p>5. «– Мне это тем более лестно, – сказала она, – что вы меня вовсе не слушали; но вы, может быть, не любите музыки?.. – <i>Напротив... после обеда особенно</i>» [45, с. 537].</p> <p>6. «– <i>Я подожду только той минуты, когда твой разговор ей наскучит... Прощай!..</i>» [45, с. 530].</p> <p>8. «– Ты, говорят, эти дни ужасно волочился за моей княжной? – сказал он довольно небрежно и не глядя на меня. – <i>Где нам, дуракам, чай пить!</i> – отвечал я ему, повторяя любимую поговорку одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным» [45, с. 546].</p> <p>9. «– Вы отгадали, – отвечал он, – я даже обязан быть его секундантом, потому что обида, нанесенная ему, относится и ко мне: я был с ним вчера ночью, – прибавил он, выпрямляя свой сутуловатый стан. – <i>А! так это вас ударил я так неловко по голове?</i>» [45, с. 562].</p>
Колкость	<p>1. «– Вот княгиня Лиговская, – сказал Грушницкий, – и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня. – <i>Однако ты уж знаешь ее имя?</i> – Да, я случайно слышал, – отвечал он, покраснев, – признаюсь, я не желаю с ними познакомиться.» [45, с. 513].</p> <p>2. «– Что он вам рассказывал? – спросила она у одного из молодых людей, возвратившихся к ней из вежливости, – <i>верно, очень занимательную историю – свои подвиги в сражениях?..</i> – Она сказала это довольно громко и, вероятно, с намерением кольнуть меня» [45, с. 522].</p> <p>3. «– Как? а вчера? ты разве забыл?.. Мери мне все рассказала... – <i>А что? разве у вас уж нынче все общее? и благодарность?</i>» [45, с. 535].</p> <p>4. «– Не правда ли, мсье Печорин, что серая шинель гораздо больше идет к мсье Грушницкому?.. – Я с вами не согласен, – отвечал я, – <i>в мундире он еще моложавее</i>» [45, с. 547].</p> <p>5. «– А признайтесь», – сказал я княжне, – <i>что хотя он всегда был очень смешон, но еще недавно он вам казался интересен... в серой шинели?</i>» [45, с. 547].</p>

Продолжение таблицы 1

Тактики ссоры	Примеры
Упрек	<p>1. «– Мне очень жаль, что я вошел после того, как вы уж дали честное слово в подтверждение самой отвратительной клеветы. Мое присутствие избавило бы вас от лишней подлости» [45, с. 562].</p> <p>2. «– Милостивый государь, когда я что говорю, так я это думаю и готов повторить... Я не боюсь ваших угроз и готов на все... – Последнее вы уж доказали, – отвечал я ему холодно и, взяв под руку драгунского капитана, вышел из комнаты» [45, с. 562].</p> <p>3. «– Прошу вас, – продолжал я тем же тоном, – прошу вас сейчас же отказаться от ваших слов; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобы равнодушие женщины к вашим блестящим достоинствам заслуживало такое ужасное мщенье. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнение, вы теряете право на имя благородного человека и рискуете жизнью» [45, с. 562].</p>
Обвинение	<p>1. «– Ne craignez rien, madame, – je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier» [45, с. 529].</p> <p>2. «– Знаешь ли что? – сказал я ему, – я пари держу, что она не знает, что ты юнкер; она думает, что ты разжалованный...» [45, с. 530].</p>
Молчание	<p>1. «– Ну, что? «Ты глуп», – хотел я ему ответить, но удержался и только пожал плечами» [45, с. 538].</p> <p>2. «... Отвечайте, говорите же, я хочу слышать ваш голос!.. – В последних словах было такое женское нетерпение, что я невольно улыбнулся; к счастью, начинало смеркаться. Я ничего не отвечал. – Вы молчите? – продолжала она, – вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю?.. Я молчал... – Хотите ли этого? – продолжала она, быстро обратясь ко мне... В решительности ее взора и голоса было что-то страшное... – Зачем? – отвечал я, пожав плечами» [45, с. 554].</p>

2.4 Авторская позиция как «линвопрагматический навигатор» в распознавании речевых действий персонажей романа «Герой нашего времени»

Невербальные средства распознавания речевых намерений, описанные автором, изображаются в ремарках поведения отдельного героя. Печорин замечает малейшие изменения и неискренность, которые проявляются на уровне невербального поведения. Герой подмечает их и в нужный момент оборачивает в свою пользу. Вспомним эпизод, когда Грушницкий рассказывает о постояльцах на водах: приятели встречают Лиговских.

« – Вот княгиня Лиговская», – сказал Грушницкий, – и с нею дочь её Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня.

– Однако ты уж знаешь её имя?

– Да, я случайно слышал, – отвечал он, покраснев, – признаюсь, я не желаю с ними познакомиться» [45, с. 513].

Автором вводится невербалика Грушницкого, через которую Печорин и читатель понимают о вранье «покраснев» говорит о волнении. Марк Лири, преподаватель и исследователь в Университете Дьюка (США) отметил, что румянец выполняет роль «невербального извинения», призванного разрядить неловкую ситуацию.

Обратим внимание на невербальный аспект в фрагменте №3 приложения.

«Грушницкий самодовольно улыбнулся.

– Какой вздор! – сказал он.

– Я уверен, – продолжал я, – что княжна в тебя уж влюблена!

Он покраснел до ушей и надулся.

О самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар!..» [45, с. 523].

В данной ситуации автором вводится невербалика Грушницкого как ответ на манипуляции. Намерение Печорина сначала расположить юнкера к разговору, чтобы далее, узнать о княжне. Благодаря внешним деталям мы видим о положительном перлокутивном эффекте и удачно подобранной тактике героя.

Фрагмент №4. *Вдруг слышу быстрые и неровные шаги... Верно, Грушницкий... Так и есть!* Заметим, герой сначала сомневается и лишь предполагает по *быстрым и неровным* шагам, а потом, увидя: *Верно, Грушницкий*, удивляется: ... *Так и есть!* Невербалика, введенная автором, передает состояние персонажа как читателям, так и Печорину. Из неё мы понимаем о волнении и спешке, что произошло нечто, что заставило Грушницкого поторопиться сообщить о случившемся. Зная характер юнкера, его привычки, умение распознавать эмоции, и в свете последнего разговора, вспоминая их беседу ранее, Печорин догадывается, что Мери заговорила с ним и их знакомство стало ближе.

В фрагменте №5 Печорин отслеживает мимические изменения, эмоциональную реакцию Мери: *В эту минуту я встретил ее глаза: в них бежали слезы; рука ее, опираясь на мою, дрожала.* Перлокутивный эффект речи достигнут, слова задела девушку вызвав сострадание в её душе: *щеки пылали; ей было жаль меня!; во все время прогулки она была рассеянна...а это великий признак!* М.Ю. Лермонтовым подчеркивается сила впечатления от речи, по которой судит и которую наблюдает герой. Высокая степень её эмоциональности передается посредством всей телесной характеристики, которую отмечает Печорин.

Фрагмент №6. О настоящих чувствах княжны, Печорин также судит по внешним маркерам речи. Герой пишет в своём дневнике: *В это время я подошел и поклонился княжне; она немножко покраснела и быстро проговорила.* Живая речь и вовлеченность говорит нам о переживаемых ею эмоциях. В данной ситуации ожидание и волнение отражается не только в лице, но и голосе героини.

Фрагмент №7. Печорин обращает колкость не только в сторону Грушницкого, но и непосредственно в сторону Мери: – *А признайтесь, – сказал я княжне, – что хотя он всегда был очень смешон, но еще недавно он вам казался интересен... в серой шинели!* Она потупила глаза и не отвечала. Автор путем ремарки отображает чувства и смятение. Девушка пристыжена

и смущена. Герой наблюдает за произведенным эффектом и изучает реакцию Мери.

Фрагмент №11.

«– Пожалуй; только подумайте, что один из нас непременно будет убит.

– Я желаю, чтобы это были вы....

– А я так уверен в противном...

Он смутился, покраснел, потом принужденно захохотал» [45, с. 568].

Паралингвистические единицы демонстрируют неискренность, напряженность ситуации обмана и подлога пистолета капитаном Драгунским. По его смущению, покраснению и принужденному хохоту читатель уверяется в том, что пистолет действительно не заряжен и подслушанное Вернером правда. *Смутиться* и *покраснеть* в данном случае как раз выполняет роль «невербального извинения».

Автором используются также оценочные эпитеты и контекстные антонимы.

Обратимся к монологу Печорина «Зачем я жил...» от слов «Два часа ночи...» до «... Смешно и досадно!» и рассмотрим его языковую составляющую.

Глаголы: 1) настоящего времени: *думаете, не едет, готова, пробегаю, спрашиваю, чувствую, засыпает, видит, пожирает, кажется, исчезает, остается, почитают, живешь, ожидаешь*; 2) прошедшего времени: *не дрожала (НСВ), назначили (СВ), служила (НСВ), жил (НСВ), родился (СВ), существовала (НСВ), было (НСВ), не угадал (СВ), увлекся (СВ), вышел (СВ), утратил (СВ), играл (НСВ), упал (НСВ), принесла (СВ), не жертвовал (НСВ), любил (НСВ), любил (НСВ), удовлетворял (НСВ), не мог насытиться (СВ), проснулся (СВ), был (НСВ)*; 3) будущего времени: *не удастся, поменяемся, придется отыскивать, подставляю, бросим, перетянет, изменит, умру, не останется, поняло, скажут, будет*; 4) начальная форма: *заснуть, промахнуться, умереть, умереть, жить*;

Местоимения: *ваша, вам, мы, мне, вашем, вы, сами, эти, вы, я, вам, свой, мы, его, моя, мне, она, моим, мне, самому, я, его, все, моё, себя, я, я, она, мне, я, моей, я, этого, я, их, я, той, я, я, моя, я, тех, кого, я, себя, я, их, их, собой, он, ему, я, меня, одни, меня, другие, я, самом, одни, он, другие, то, другое, этого, чего-то*. Из которых, личные: *я*–15, *мы* – 2, *вы* – 2, *она* – 2, *он* – 2; возвратные: *себя* – 2, *вам* – 2, *мне* – 4, *моя* – 2, *меня* – 2, *их* – 3, *его* – 2, *этого* –2, *другие* – 2, *одни* – 2. Один раз: *свой, ваша, вашем, сами, эти, моим, моей, чего-то, все, ему, моё, самому, той, тех, кого, собой, самом, то, другое, этого*;

Прилагательные: *бледном, тайного, роковые, небольшая, высокое, необъятные, пустых, неблагодарных, тверд, холоден, благородных, лучший, обреченных, собственного, странную, роскошные, шипучие, воздушные, удвоенный, добрый*;

Таким образом, в выбранном фрагменте романа выявлено:

1. 12 глаголов вида НСВ (незаконченное действия) и 9 глаголов СВ (законченное действие).

2. Контекстные глаголы-антонимы: *служила – не жертвовал, удовлетворял – не мог насытиться, принесла – утратил, жил – упал*;

3. Контекстные прилагательные-антонимы: *добрый – холоден, воздушные – тверд, небольшая – необъятные, благородных – неблагодарных, роскошные – пустых, роковой – лучший*;

4. Наиболее высокая частотность употребления у местоимений: *я* – 15, *мне* – 4, *их* – 3;

Мы установили, что выбранный монолог относится к декларативному типу, что отражается на синтаксической структуре предложений, а именно, на 31 предложение только три из них оканчиваются точкой, 8 восклицательных (!), 7 вопросительных (?), 6 предложений с пояснением (:), 6 с тире (–) и 13 с многоточием (...). Их наличие в данном соотношении показывает нацеленность на слушающего, на произведение внешнего эффекта.

Обратимся к другому монологу №2, начинающегося со слов «— Да, такова была моя участь...» до «не огорчит нимало».

1. Глаголы: 1) прошедшее время: *была, читали, не было, предполагали, был, обвиняли, чувствовал, не ласкал, оскорбляли, был, чувствовал, ставили, сделался, был готов любить, не понял, выучился, протекала, хоронил, умерли, говорил, не верили, узнав, видел, добивался, сделался, не существовала, высохла, испарилась, умерла, отрезал, бросил, шевелилась, не заметил, не знал, разбудили, прочел*; 2) настоящее время: *родилось, прошу, кажется, предупреждаю*; 3) будущее время: *разделять, не огорчит*.

Наиболее частотные глаголы: 1. *Был* – 3 раза, *стал* – 3 раза, *сделался* – 2 раза.

2. Обратим внимание на удивительное выражение крайней индивидуальности героя: *моя участь, на моём лице, моем лице, меня обвиняли, никто меня не ласкал, меня ставили ниже, меня никто не понял, моя бесцветная молодость, мои чувства, мне не верили, во мне разбудили, мне нет, моё мнение, моя выходка, меня не огорчит. Что противопоставляется общему: все читали, все оскорбляли, все вообще*.

Во фрагменте несколько раз герой упоминает о своих чувствах: *дурных чувств, глубоко чувствовал, я чувствовал себя, мои чувства, в глубине сердца*;

Наиболее частотны следующие слова: *насмешка – смешными – смешна – смейтесь, воспоминание – вспомню, отчаяние* (3).

3. Отметим широкое употребление контекстных антонимов:

Не было – родились, скромность – лукавство, добро – зло, ласкал – оскорбляли, угрюм – веселы, выше – ниже, любить – ненавидеть, с собой – с светом, правда – обман, искусен – без искусства, дар – неумолимо добиваться, холод – любезность, счастье – отчаяние;

4. Наиболее высокая частотность употребления у местоимений: *я* – 19, *они* – 2, *все* – 3, *никто* – 4, *вам* – 2;

Поскольку роман социально-психологический и философский, через оценочную лексику мы видим характеристику типа мышления главного героя. В ней мы видим отражение пессимистичного, циничного и упаднического восприятия действительности: *дурных, скромн, скрытен, злопамятен, угрюм, веселы, болтливы, завистлив, бесцветная, искусен, бессильное, добродушной;*

Отдельно, особо показательным представляется глагол «*волочиться*». Оно употребляется в тексте романа 6 раз в отношении «ухаживать за», однако самого слова «ухаживать» или «проявлять внимание» и т.п. в романе нет. «*Волочиться*» используется Печориным – два раза, Грушницким – два раза, Вернером – один раз, также, при описании образа жизни Вулича («*никогда не волочился*»), примечателен тот факт, что Грушницкий, Вернер и Вулич являются двойниками самого Печорина. Прибегая к одному и тому же слову, автор, в диалогах и оценочной характеристике речи упомянутых персонажей, отражает на лингвистическом уровне намерения говорящих, которые внутренне мечтают *быть любимым: – я только хочу быть любимым, и то очень немногими.* Слово «*волочиться*», это авторский навигатор для читательского распознавания намерений героев, а также отношения автора к герою.

Таким образом, языковой аспект исследования подтверждает, что конфликтное речевое поведение составляет основу языковой личности Печорина, демонстрируя его истинные коммуникативные намерения. М.Ю. Лермонтовым подчеркивается внимательность и прозорливость героя в отношении окружающей действительности. Для Печорина характерна как высокая индивидуальность, так и предельная сенситивность в отношении себя и других. Герой внимателен к невербальным характеристикам, человеческим чувствам и мыслям. Им подмечаются мельчайшие речевые и паралингвистические знаки при коммуникативном взаимодействии, однако он не использует их для гармонизации общения, а склонен применять для демонстрации собственного превосходства над людьми. Полученные

сведения убеждают, что Печорин – человек мечущийся, подверженный крайностям, эгоистичный и противопоставляющий себя свету.

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Чтобы понять природу речевого взаимодействия, опираясь на такой материал исследования, как художественный текст, необходимо использовать междисциплинарный подход. Применены знания из области нескольких наук: лингвистики, литературоведения, психологии, социологии и конфликтологии. Важное значение имеют психолингвистический и лингвопрагматический аспекты исследования коммуникативного акта.

Печорин как коммуникативная личность использует рационально-эвристическую стратегию поведения и присущие ей тактики. Через иронию, путем скрытой насмешки, данный персонаж вымещает внутреннее недовольство и напряжение на окружающих людей.

Определены личностные черты Печорина в диалоге (по классификации В.Б. Кашкина, это умение эффективно формировать коммуникативную стратегию, пользоваться разнообразными тактическими приемами коммуникации, позиционировать себя нужным образом для достижения поставленной коммуникативной цели). Аспект восприятия речи человека другим человеком, механизмы речевых игр и ролевого поведения, коммуникативные барьеры можно выявить, опираясь на научные обобщения И.А. Стернина); коммуникативные намерения Печорина позволяет описать классификация речевых актов Н.И. Формановской. В основу выпускной квалификационной работы легла методология исследования конфликта, предложенная В.С. Третьяковой.

Описаны конфликтные речевые стратегии и тактики Печорина в аспекте лингвопрагматики, показаны способы выявления лингвопрагматических маркеров, позволяющих распознавать иллокутивное намерение говорящего (на примере главного героя романа М.Ю. Лермонтова). Это авторские комментарии невербальных действий героя,

косвенные речевые акты говорящего, признания героя в преднамеренности манипулятивного воздействия на собеседника.

Выявлены лингвопрагматические маркеры ссоры героя с его окружением и с самим собой, показаны стратегии тактики речевого воздействия на собеседника. Печорин, являясь инициатором конфликтного общения, использует такие речевые тактики, как подчинение, дискредитация и провокация. На основе классификации тактик, присущих речевому жанру ссоры, установлено, что наиболее частотными тактиками ссоры, к которым обращается герой романа, являются угроза, грубое прерывание коммуникативного акта, возмущение, насмешка, колкость, злопожелание упрёк, обвинение и молчание.

Таким образом, были выявлены и проанализированы тактики конфликтного поведения Печорина. Они являются отражением того, что главный герой не может прийти к гармоничным отношениям из-за собственного внутреннего конфликта, который выливается в неспособность вести открытый диалог, в манипулирование собеседником, в вечную ссору с собой и миром. Основные положения, вынесенные на защиту подтверждены примерами из текста романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», результатами лингвопрагматического анализа конфликтного речевого общения коммуникантов.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Анохина В. С Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) // Наука. Инновации. Технологии. 2008. №3. 8 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-kommunikativnogo-povedeniya-v-maloy-sotsialnoy-gruppe-semie> (дата обращения: 4.01.2021).
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 591 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Балаян А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога: Автореф. дис. . канд. филол. наук. М.: АН СССР. Институт языкознания, 1971. 19 с.
5. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1992 а. № 2. С. 84–99.
6. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
7. Белинский В. Г. «Герой нашего времени». Соч. М. Лермонтова. СПб: Лань, 2013. 6 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/7928> (дата обращения: 07.04.2021).
8. Богданов В.В. Речевое общение: прагматический и семантический аспекты: Учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1990. 88 с.
9. Богданов В.В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения / Отв. ред. И.П. Сусов. Калинин: Изд-во Калинин, гос. ун-та, 1989. С. 25–37.
10. Богданова О.В. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова (замысел и воплощение). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 51с.
11. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Москва: Флинта, 2016. 520 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/85858> (дата обращения: 03.06.2021).

12. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 99–111.
13. Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 251–275.
14. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: «Высшая школа», 1971. 239 с.
15. Винокур Т.Г. К характеристике говорящего: интенция и реакция // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 11–23.
16. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
17. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРРС, 2002. 280 с.
18. Дементьев В.В. Аспекты проблемы «жанр и язык»: жанры речи и ... «язык речи»? // Жанры речи: сборник науч. статей. Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. С. 5–22.
19. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике. Вопросы языкознания. 1997. №1. С. 109–121.
20. Гапеева Е. Л. Лексическая структура текстовых фрагментов с монологической речью: (на материале романа И. А. Гончарова «Обрыв»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. 22 с.
21. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка: Модели действия / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1992. С. 123–130.
22. Голев Н. Д, Лебедева Н. Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В. М. Шукшина) // Юрислингвистика. 2000. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-zhanr-ssory-i-konfliktnye-stsenarii-na-materiale-rasskazov-v-m-shukshina-1> (дата обращения: 4.01.2021).

23. Гомлешко Б. А. Прагматические функции иронии в тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticcheskie-funktsii-ironii-v-tekste> (дата обращения: 4.01.2021).
24. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1998. 256 с.
25. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
26. Дойч М.С. Разрешение конфликта. Конструктивные и деструктивные процессы // Социально-политический журнал. 1997. № 1. С. 19–21.
27. Дупак А.А. Социально-психологические аспекты лжи в межличностном общении // Вестник ГУУ. 2013. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-aspekty-lzhi-v-mezhlichnostnom-obschenii> (дата обращения: 4.01.2021).
28. Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / Т.Г. Винокур, О.Н. Ермакова, Е.А. Земская, М., 1993. 197 с.
29. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 1998. 248 с.
30. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь, 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/124969/%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BA> (дата обращения: 17.02.2021).
31. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
32. Кайда Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции к декодированию. Москва: Флинта, 2017. 207 с.

33. Карасик В. И. Концептуализация насмешки в языковом сознании // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-nasmeshki-v-yazykovom-soznanii> (дата обращения: 4.01.2021).
34. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
35. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 51 с. URL: https://mediaeducation.ucoz.ru/_ld/1/167.2000.pdf (дата обращения: 13.10.2020).
36. Коноваленко И. В. Языковая личность в личностно-ориентированном конфликтном дискурсе // Вестник ЧелГУ. 2009. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-v-lichnostno-orientirovannom-konfliktnom-diskurse> (дата обращения: 4.01.2021).
37. Кормилов С. И. Роман о преходящем и вечном. Социально-историческое и общечеловеческое в «Герое нашего времени». Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2014. №5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22943032> (дата обращения: 12.02.2021).
38. Король Л. Г. Малимонов И.В., Рахинский Д.В. Конфликтология. Ульяновск: Зебра, 2015. 248 с.
39. Кошкарова Н. Н. Лингвистические подходы к изучению конфликтного дискурса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия. История. Филология. Т. 14. № 2. 2015. С. 142–146.
40. Леонов Н. И. Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения. СПб.: Питер, 2005. 240 с.
41. Левин В. Об истинном смысле монолога Печорина // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814-1964. М.: Наука, 1964. С. 276–282.
42. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени: [16+] / М. Ю. Лермонтов; под ред. Л. М. Сурис. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 178 с. URL:

<https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=12553> (дата обращения: 13.02.2021).

43. Герой нашего времени. Поэмы. Стихотворения. М.: Издательство «Э», 2017. 608 с. URL: <https://iknigi.net/avtor-mihail-lermontov/189240-geroy-nashego-vremeni-poemy-stihotvoreniya-mihail-lermontov.html> (дата обращения: 13.02.2021).

44. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М.: Стрекоза-Пресс, 2001. 255 с. URL: https://thelib.ru/books/lermontov_mihail/geroy_nashego_vremeni.html (дата обращения: 12.02.2021).

45. Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 2. М.: Правда, 1990. 704 с.

46. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. СПб: Лань, 2013. 70 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/19624> (дата обращения: 01.04.2021).

47. Максимов Д.Е. Об изучении мировоззрения и творческой системы Лермонтова // Русская литература. 1964. № 3. С. 1–12.

48. Матвеева Т.В. К лингвистической теории жанра // Collegium, №1–2. Киев, 1995. С. 65–71.

49. Мищук О. Н. Феномен речевого воздействия и методы его изучения // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2016. № 5 (май). 0,5 п. л. URL: <http://e-koncept.ru/2016/16098.htm>.

50. Мочалова Т. Г. Парадокс коммуникативной неудачи как залога успешной коммуникации (на материале авторских телепрограмм) // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoks-kommunikativnoy-neudachi-kak-zaloga-uspeshnoy-kommunikatsii-na-materiale-avtorskih-teleprogramm> (дата обращения: 4.01.2021).

51. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.

52. Одинцов В.В. О языке художественной прозы. Повествование и диалог. М.: Наука, 1973. 106 с.

53. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.

54. Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли людей по их жестам. Нижний Новгород: Русская речь, 1991. 180 с.

55. Рабенко Т. Г. Ссора: речевые тактики жанра и средства их языковой реализации // Вестник СамГУ, 2013. №8.1 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssora-rechevye-taktiki-zhanra-i-sredstva-ih-yazykovoy-realizatsii> (дата обращения: 4.01.2021).

56. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. 415 с.

57. Сайфуллина Э. Р. Сплетня, ссора, лесть и др. Как негативно оцениваемые речевые жанры (на примере пословиц о речевом поведении) // Вестник Башкирск. ун-та, 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spletnya-ssora-lest-i-dr-kak-negativno-otsenivaemye-rechevye-zhanry-na-primere-poslovits-o-rechevom-povedenii> (дата обращения: 4.01.2021).

58. Сегеда А.С. Эффективность дискуссионной речи в межличностной коммуникации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.19 Теория языка. Мытищи, 2019. 26 с. URL: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/jeffektivnost-diskussionnoj-rechi-v-mezhlichnostnoj-kommunikacii.html> (дата обращения: 4.01.2021).

59. Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 188–194.

60. Сейранян М. Ю. Конфликтная личность как участник конфликтного дискурса // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание, 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnaya-lichnost-kak-uchastnik-konfliktnogo-diskursa> (дата обращения: 4.01.2021).

61. Сомова Л.А. Структура коммуникации на учебных занятиях по литературе: монография. Тольятти: ТГУ, 2009. 144 с.
62. Сомова Л.А. Развитие дискурсивного мышления учащихся при изучении филологических дисциплин / XXXIV Зональная конференция литературоведов Поволжья: материалы конференции (3-4 октября 2024 года), гл. редактор О.М. Буранок. Казань: Изд-во КФУ, 2014. С. 278–283.
63. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации. Автореф. дис. д-ра филол. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т., 2005. 37 с.
64. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.
65. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: «Гарант», 2000. 52 с.
66. Сухих С.А. Речевые интеракции и стратегии // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986. С. 71–77.
67. Третьякова В.С. Речевой конфликт: предпосылки и стадии развития // Пятые Поливановские чтения. Социолингвистика: сб. науч. ст. Смоленск, 2000. Ч.1. 475 с.
68. Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика. 2000. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-glazami-lingvista-1> (дата обращения: 4.01.2021).
69. Третьякова В. С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27. С. 143–152. URL: <http://www.jourclub.ru/24/919/2/>.
70. Третьякова В. С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27. С. 143–152. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24085/1/iurp-2003-27-16.pdf>
71. Третьякова В.С. Сценарии речевого поведения и речевой жанр // Русский язык: история, диалекты, современность: сб. науч. тр. М., 1999.

72. Третьякова В.С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос.гос.проф.-пед. Ун-т», 2009. 231 с.

73. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: Автореф. дис. д-ра филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т, 2003. 36 с.

74. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения : дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2003. 301 с. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/rechevoj-konflikt-i-garmonizacija-obwenija.html> (дата обращения: 4.01.2021).

75. Третьякова В.С. Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и аспекты права / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 370 с.

76. Третьякова В. С. Речевое воздействие и способы его оптимизации в межличностном общении // Лингвистика: Бюлл. Урал, лингв, о-ва: Сб. науч. статей. Екатеринбург, 2000. Т.5. С. 82–93.

77. Третьякова В. С. Модели поведения коммуникантов в ситуации информативного вакуума в контексте речевого общения // Русский язык: теория и методика преподавания: Межвуз. сб. науч. тр. М., 2001.

78. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ushakov.html> (Дата обращения: 15.11.2020).

79. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 66–87.

80. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М: Рус. яз., 2002. С. 111–120.

81. Чернышова Т.В., Голощапова Е.В. Речевой жанр «оскорбление»: основания построения типологической модели (на материале судебных постановлений) // Университетская филология образованию: регулятивная природа коммуникации: Материалы Второй Междунар.науч.-практ.конф. (г. Барнаул, 14-18 апреля 2009 г.). Ч. 1., Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2009. С. 94–98.

82. Чернышова Т.В. Типологические признаки текстов дискредитирующего типа // Политическая коммуникация: материалы междун. науч. конф. (Екатеринбург, 24-26 сентября 2013 г.), гл. ред. А.П.Чудинов, ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2013. С. 356–363.

83. Шабанова Н. А. Словарь литературоведческих терминов. Инта, Республика Коми, 2008. 536 с.

84. Шаповалов В. А. Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. В 3 т. Т. 2 : антология / под ред. В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2021. 762 с.

85. Шаховский В.И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград, 2005. С. 173–204.

86. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 344 с.

87. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.

88. Шмелева Т.В. Речевой жанр // Русистика. №2. Берлин, 1990. С. 42–41.

89. Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.

90. Юхнова И.С. Проблема общения и поэтика диалога в прозе М.Ю. Лермонтова: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. 219 с.

91. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

92. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: «Языки славянской культуры» (Studia philologica), 2001. 387 с.

Приложение А

Фрагменты романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

1. *«После обеда часов в шесть я пошел на бульвар: там была толпа; княгиня с княжной сидели на скамье, окруженные молодежью, которая любезничала наперерыв. Я поместился в некотором расстоянии на другой лавке, остановил двух знакомых Д... офицеров и начал им что-то рассказывать; видно, было смешно, потому что они начали хохотать как сумасшедшие. Любопытство привлекло ко мне некоторых из окружающих княжну; мало-помалу и все ее покинули и присоединились к моему кружку. Я не умолкал: мои анекдоты были умны до глупости, мои насмешки над проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжал увеселять публику до захождения солнца. Несколько раз княжна под ручку с матерью проходила мимо меня, сопровождаемая каким-то хромым старичком; несколько раз ее взгляд, упавая на меня, выражал досаду, стараясь выразить равнодушие...*

– Что он вам рассказывал? – спросила она у одного из молодых людей, возвратившихся к ней из вежливости, – верно, очень занимательную историю – свои подвиги в сражениях?.. – Она сказала это довольно громко и, вероятно, с намерением кольнуть меня. «А-га! – подумал я, – вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будет!»

Грушицкий следил за нею, как хищный зверь, и не спускал ее с глаз: бьюсь об заклад, что завтра он будет просить, чтоб его кто-нибудь представил княгине. Она будет очень рада, потому что ей скучно» [45, с. 521-522].

2. *«В продолжение двух дней мои дела ужасно подвинулись. Княжна меня решительно ненавидит; мне уже пересказали две-три эпиграммы на мой счет, довольно колкие, но вместе очень лестные. Ей ужасно странно, что я, который привык к хорошему обществу, который так короток с ее петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться с нею. Мы встречаемся каждый день у колодца, на бульваре; я употребляю все свои силы на то, чтоб отвлекать ее обожателей, блестящих адъютантов, бледных москвичей и других, – и мне почти всегда удается. Я всегда ненавидел гостей у себя: теперь у меня каждый день полон дом, обедают, ужинают, играют, – и, увы, мое шампанское торжествует над силою магнетических ее глазок!*

Продолжение Приложения А

Вчера я ее встретил в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковер. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этот ковер так украсил бы ее кабинет!.. Я дал сорок рублей лишних и перекупил его; за это я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство. Около обеда я велел нарочно провести мимо ее окон мою черкесскую лошадь, покрытую этим ковром. Вернер был у них в это время и говорил мне, что эффект этой сцены был самый драматический. Княжна хочет проповедовать против меня ополчение; я даже заметил, что уж два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякий день у меня обедают» [45, с. 522-523].

3. «Грушницкий принял таинственный вид: ходит, закинув руки за спину, и никого не узнает; нога его вдруг выздоровела: он едва хромает. Он нашел случай вступить в разговор с княгиней и сказал какой-то комплимент княжне: она, видно, не очень разборчива, ибо с тех пор отвечает на его поклон самой милой улыбкою.

– Ты решительно не хочешь познакомиться с Лиговскими? – сказал он мне вчера.

– Решительно.

– Помилуй! самый приятный дом на водах! Все здешнее лучшее общество...

– Мой друг, мне и нездешнее ужасно надоело. А ты у них бываешь?

– Нет еще; я говорил раза два с княжной, и более, но знаешь, как-то напрашиваться в дом неловко, хотя здесь это и водится... Другое дело, если б я носил эполеты...

– Помилуй! да эдак ты гораздо интереснее! Ты просто не умеешь пользоваться своим выгодным положением... да солдатская шинель в глазах чувствительной барышни тебя делает героем и страдальцем.

Грушницкий самодовольно улыбнулся.

«– Какой вздор! – сказал он.

– Я уверен, – продолжал я, – что княжна в тебя уж влюблена!

Он покраснел до ушей и надулся.

О самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар!..

– У тебя все шутки! – сказал он, показывая, будто сердится, – во-первых, она меня еще так мало знает...

– Женщины любят только тех, которых не знают.

– Да я вовсе не имею претензии ей нравиться: я просто хочу познакомиться с приятным домом, и было бы очень смешно, если б я имел какие-нибудь надежды... Вот вы, например, другое дело! – вы победители петербургские: только посмотрите, так женщины тают... А знаешь ли, Печорин, что княжна о тебе говорила?

– Как? она тебе уж говорила обо мне?..» [45, с. 523].

Продолжение Приложения А

«— Не радуйся, однако. Я как-то вступил с нею в разговор у колодца, случайно; третье слово ее было: «Кто этот господин, у которого такой неприятный тяжелый взгляд? он был с вами, тогда...» Она покраснела и не хотела назвать дня, вспомнив свою милую выходку. «Вам не нужно сказывать дня, — отвечал я ей, — он вечно будет мне памятен...» Мой друг, Печорин! я тебе не поздравляю; ты у нее на дурном замечании... А, право, жаль! потому что Мери очень мила!..»

Надобно заметить, что Грушицкий из тех людей, которые, говоря о женщине, с которой они едва знакомы, называют ее моя Мери, моя Sophie, если она имела счастье им понравиться» [45, с. 524].

«Я принял серьезный вид и отвечал ему:

— Да, она недурна... только берегись, Грушицкий! Русские барышни большею частью питаются только платонической любовью, не примешивая к ней мысли о замужестве; а платоническая любовь самая беспокойная. Княжна, кажется, из тех женщин, которые хотят, чтоб их забавляли; если две минуты сряду ей будет возле тебя скучно, ты погиб невозвратно: твое молчание должно возбуждать ее любопытство, твой разговор — никогда не удовлетворять его вполне; ты должен ее тревожить ежеминутно; она десять раз публично для тебя пренебрежет мнением и назовет это жертвой и, чтоб вознаградить себя за это, станет тебя мучить — а потом просто скажет, что она тебя терпеть не может. Если ты над нею не приобретешь власти, то даже ее первый поцелуй не даст тебе права на второй; она с тобою накокетничается вдоволь, а года через два выйдет замуж за уroda, из покорности к маменьке, и станет себя уверять, что она несчастна, что она одного только человека и любила, то есть тебя, но что небо не хотело соединить ее с ним, потому что на нем была солдатская шинель, хотя под этой толстой серой шинелью билось сердце страстное и благородное...

Грушицкий ударил по столу кулаком и стал ходить взад и вперед по комнате.» [45, с. 524].

«Я внутренно хохотал и даже раза два улыбнулся, но он, к счастью, этого не заметил. Явно, что он влюблен, потому что стал еще доверчивее прежнего; у него даже появилось серебряное кольцо с чернью, zdeшней работы: оно мне показалось подозрительным... Я стал его рассматривать, и что же?.. мелкими буквами имя Мери было вырезано на внутренней стороне, и рядом — число того дня, когда она подняла знаменитый стакан. Я утаил свое открытие; я не хочу вынуждать у него признаний, я хочу, чтобы он сам выбрал меня в свои поверенные, и тут-то я буду наслаждаться...» [45, с. 525].

4. *«Я сел на скамью и задумался... Я чувствовал необходимость излить свои мысли в дружеском разговоре... но с кем? «Что делает теперь Вера?» – думал я... Я бы дорого дал, чтоб в эту минуту пожать ее руку.*

Продолжение Приложения А

Вдруг слышу быстрые и неровные шаги... Верно, Грушницкий... Так и есть!

– Откуда?

– От княгини Лиговской, – сказал он очень важно. – Как Мери поет!..

– Знаешь ли что? – сказал я ему, – я пари держу, что она не знает, что ты юнкер; она думает, что ты разжалованный...

– Может быть! Какое мне дело!.. – сказал он рассеянно.

– Нет, я только так это говорю...

– А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно рассердил? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу мог ее уверить, что ты так хорошо воспитан и так хорошо знаешь свет, что не мог иметь намерение ее оскорбить; она говорит, что у тебя наглый взгляд, что ты, верно, о себе самого высокого мнения.

– Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

– Мне жаль, что не имею еще этого права...

– О-го! – подумал я, – у него, видно, есть уже надежды...

– Впрочем, для тебя же хуже, – продолжал Грушницкий, – теперь тебе трудно познакомиться с ними, – а жаль! это один из самых приятных домов, какие я только знаю...

Я внутренно улыбнулся.

«– Самый приятный дом для меня теперь мой», – сказал я, зевая, и встал, чтоб идти.

– Однако признайся, ты раскаиваешься?..

– Какой вздор! если я захочу, то завтра же буду вечером у княгини...

– Посмотрим...

– Даже, чтоб тебе сделать удовольствие, стану волочиться за княжной...

– Да, если она захочет говорить с тобой...

– Я подожду только той минуты, когда твой разговор ей наскучит...

Прощай!..

– А я пойду шататься, – я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдем лучше в ресторан, там игра... мне нужны нынче сильные ощущения...

– Желаю тебе проиграться...

Я пошел домой» [45, с. 530-531].

5. *«Вечером многочисленное общество отправилось пешком к провалу.*

Продолжение Приложения А

По мнению здешних ученых, этот провал не что иное, как угасший кратер; он находится на отлогости Машука, в версте от города. К нему ведет узкая тропинка между кустарников и скал; взбираясь на гору, я подал руку княжне, и она ее не покидала в продолжение целой прогулки.

Разговор наш начался злословием: я стал перебирать присутствующих и отсутствующих наших знакомых, сначала выказывал смешные, а после дурные их стороны. Желчь моя взволновалась. Я начал шутя – и кончил искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потом испугало.

«– Вы опасный человек! – сказала она мне, – я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок... Я вас прошу не шутя: когда вам вздумается обо мне говорить дурно, возьмите лучше нож и зарежьте меня, – я думаю, это вам не будет очень трудно.

«– Разве я похож на убийцу?..».

«– Вы хуже...».

Я задумался на минуту и потом сказал, приняв глубоко тронутый вид:

«– Да, такова была моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных чувств, которых не было; но их предполагали – и они родились. Я был скромн – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, – другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, – меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли. Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неумолимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаяние – не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой» [45, с. 542].

Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, – тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней, и я вам прочел ее эпитафию. Многим все вообще эпитафии кажутся смешными, но мне нет, особенно когда вспомню о том, что под ними покоится. Впрочем, я не прошу вас разделять мое мнение: если моя выходка вам кажется смешна – пожалуйста, смейтесь: предупреждаю вас, что это меня не огорчит нисколько.»

Продолжение Приложения А

«В эту минуту я встретил ее глаза: в них бегали слезы; рука ее, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Сострадание – чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее неопытное сердце. Во все время прогулки она была рассеянна, ни с кем не кокетничала, – а это великий признак!»

«Мы пришли к привалу; дамы оставили своих кавалеров, но она не покидала руки моей. Остроты здешних денди ее не смешили; крутизна обрыва, у которого она стояла, ее не пугала, тогда как другие барышни пицали и закрывали глаза.»

На возвратном пути я не возобновлял нашего печального разговора; но на пустые мои вопросы и шутки она отвечала коротко и рассеянно [45, с. 543].

«– Любили ли вы? – спросил я ее наконец».

«Она посмотрела на меня пристально, покачала головой – и опять впала в задумчивость: явно было, что ей хотелось что-то сказать, но она не знала, с чего начать; ее грудь волновалась... Как быть! кисейный рукав слабая защита, и электрическая искра пробежала из моей руки в ее руку; все почти страсти начинаются так, и мы часто себя очень обманываем, думая, что нас женщина любит за наши физические или нравственные достоинства; конечно, они готовят ее сердце к принятию священного огня, а все-таки первое прикосновение решает дело.»

«– Не правда ли, я была очень любезна сегодня? – сказала мне княжна с принужденной улыбкой, когда мы возвратились с гулянья».

«Мы расстались» [45, с. 543].

«Она недовольна собой: она себя обвиняет в холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочет вознаградить меня. Я все это уж знаю наизусть – вот что скучно!» [45, с. 544].

6. *«– В самом деле, вам шинель гораздо более к лицу...*

В это время я подошел и поклонился княжне; она немножко покраснела и быстро проговорила:

– Не правда ли, мсье Печорин, что серая шинель гораздо больше идет к мсье Грушницкому?..

– Я с вами не согласен, – отвечал я, – в мундире он еще моложавее.

Грушницкий не вынес этого удара; как все мальчики, он имеет претензию быть стариком; он думает, что на его лице глубокие следы страстей заменяют отпечаток лет. Он на меня бросил бешеный взгляд, топнул ногою и отошел прочь» [45, с. 547].

7. *«– А признайтесь, – сказал я княжне, – что хотя он всегда был очень смешон, но еще недавно он вам казался интересен... в серой шинели?..*

Продолжение Приложения А

Она потупила глаза и не отвечала» [45, с. 547].

8. *«– Я этого не ожидал от тебя, – сказал он, подойдя ко мне и взяв меня за руку.*

– Чего?

*– Ты с нею танцуешь мазурку? – спросил он торжественным голосом.
– Она мне призналась...*

– Ну, так что ж? А разве это секрет?

– Разумеется... Я должен был этого ожидать от девчонки... от кокетки... Уж я отомщу!

– Пеняй на свою шинель или на свои эполеты, а зачем же обвинять ее? Чем она виновата, что ты ей больше не нравишься?..

– Зачем же подавать надежды?

– Зачем же ты надеялся? Желать и добиваться чего-нибудь – понимаю, а кто ж надеется?

«– Ты выиграл пари – только не совсем», – сказал он, злобно улыбаясь» [45, с. 548].

9. *«Я раза два пожал ее руку; во второй раз она ее выдернула, не говоря ни слова.*

«– Я дурно буду спать эту ночь», – сказала она мне, когда мазурка кончилась.

– Этому виноват Грушницкий.

– О нет! – И лицо ее стало так задумчиво, так грустно, что я дал себе слово в этот вечер непременно поцеловать ее руку.

Стали разъезжаться. Сажая княжну в карету, я быстро прижал ее маленькую ручку к губам своим. Было темно, и никто не мог этого видеть.

Я возвратился в залу очень доволен собой» [45, с. 548].

10. *«– Вот мои условия: вы нынче же публично откажетесь от своей клеветы и будете просить у меня извинения...*

«– Милостивый государь, я удивляюсь, как вы смеете мне предлагать такие вещи?..»

«– Что ж я вам мог предложить, кроме этого?..»

«– Мы будем стреляться...»

Я пожал плечами

Продолжение Приложения А

«– Пожалуй; только подумайте, что один из нас непременно будет убит.»

«– Я желаю, чтобы это были вы...»

«– А я так уверен в противном...»

Он смутился, покраснел, потом принужденно захохотал [45, с. 568].

«– Итак, вот что я придумал. Видите ли на вершине этой отвесной скалы, направо, узенькую площадку? оттуда до низу будет сажень тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый из нас станет на самом краю площадки; таким образом, даже легкая рана будет смертельна: это должно быть согласно с вашим желанием, потому что вы сами назначили шесть шагов. Тот, кто будет ранен, полетит непременно вниз и разобьется вдребезги; пулю доктор вынет. И тогда можно будет очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачным прыжком. Мы бросим жребий, кому первому стрелять. Объявляю вам в заключение, что иначе я не буду драться».

«– Пожалуй! – сказал драгунский капитан, посмотрев выразительно на Грушницкого, который кивнул головой в знак согласия. Лицо его ежеминутно менялось. Я его поставил в затруднительное положение. Стреляясь при обыкновенных условиях, он мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою месть, не отягощая слишком своей совести; но теперь он должен был выстрелить на воздух, или сделаться убийцей, или, наконец, оставить свой подлый замысел и подвергнуться одинаковой со мною опасности. В эту минуту я не желал бы быть на его месте. Он отвел капитана в сторону и стал говорить ему что-то с большим жаром; я видел, как посиневшие губы его дрожали; но капитан от него отвернулся с презрительной улыбкой. «Ты дурак! – сказал он Грушницкому довольно громко, – ничего не понимаешь! Отправимтесь же, господа!» [45, с. 569].

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольник. От выдавшегося угла отмерили шесть шагов и решили, что тот, кому придется первому встретить неприятельский огонь, станет на самом углу, спиною к пропасти; если он не будет убит, то противники поменяются местами.

Продолжение Приложения А

«Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда все устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать... Я хотел дать себе полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключал таких условий с своею совестью?»

«– Бросьте жребий, доктор! – сказал капитан».

«Доктор вынул из кармана серебряную монету и поднял ее кверху.

«– Решетка! – закричал Грушницкий поспешно, как человек, которого вдруг разбудил дружеский толчок».

«– Орел! – сказал я».

Монета взвилась и упала звеня; все бросились к ней.

«– Вы счастливы, – сказал я Грушницкому, – вам стрелять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь – даю вам честное слово».

«Он покраснел; ему было стыдно убить человека безоружного; я глядел на него пристально; с минуту мне казалось, что он бросится к ногам моим, умоляя о прощении; но как признаться в таком подлом умысле?.. Ему оставалось одно средство – выстрелить на воздух; я был уверен, что он выстрелит на воздух! Одно могло этому помешать: мысль, что я потребую вторичного поединка».

«– Пора! – шепнул мне доктор, дергая за рукав, – если вы теперь не скажете, что мы знаем их намерения, то все пропало. Посмотрите, он уж заряжает... если вы ничего не скажете, то я сам...».

«– Ни за что на свете, доктор! – отвечал я, удерживая его за руку, – вы все испортите; вы мне дали слово не мешать... Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит...».

Он посмотрел на меня с удивлением.

«– О, это другое!.. только на меня на том свете не жалуйтесь...»

«Капитан между тем зарядил свои pistols, подал один Грушницкому, с улыбкою шепнув ему что-то; другой мне.»

Я стал на углу площадки, крепко упершись левой ногою в камень и наклонясь немного наперед, чтобы в случае легкой раны не опрокинуться назад.

Грушницкий стал против меня и по данному знаку начал поднимать pistolет. Колени его дрожали. Он целил мне прямо в лоб...

Неизъяснимое бешенство закипело в груди моей.»

Продолжение Приложения А

Вдруг он опустил дуло пистолета и, побледнев как полотно, повернулся к своему секунданту.

«– Не могу, – сказал он глухим голосом.»

«– Трус! – отвечал капитан.» [45, с. 571].

«Выстрел раздался. Пуля оцарапала мне колено. Я невольно сделал несколько шагов вперед, чтоб поскорей удалиться от края.»

«– Ну, брат Грушницкий, жаль, что промахнулся! – сказал капитан, – теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы уж не увидимся! – Они обнялись; капитан едва мог удержаться от смеха. – Не бойся, – прибавил он, хитро взглянув на Грушницкого, – все вздор на свете!.. Натура – дура, судьба – индейка, а жизнь – копейка!»

«После этой трагической фразы, сказанной с приличною важностью, он отошел на свое место; Иван Игнатьич со слезами обнял также Грушницкого, и вот он остался один против меня. Я до сих пор стараюсь объяснить себе, какого роду чувство кипело тогда в груди моей: то было и досада оскорбленного самолюбия, и презрение, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этот человек, теперь с такою уверенностью, с такой спокойной дерзостью на меня глядящий, две минуты тому назад, не подвергая себя никакой опасности, хотел меня убить как собаку, ибо раненный в ногу немного сильнее, я бы непременно свалился с утеса.»

«Я несколько минут смотрел ему пристально в лицо, стараясь заметить хоть легкий след раскаяния. Но мне показалось, что он удерживал улыбку.»

«– Я вам советую перед смертью помолиться богу, – сказал я ему тогда.

«– Не заботьтесь о моей душе больше чем о своей собственной. Об одном вас прошу: стреляйте скорее.»

«– И вы не отказываетесь от своей клеветы? не просите у меня прощения?.. Подумайте хорошенько: не говорит ли вам чего-нибудь совесть?»

«– Господин Печорин! – закричал драгунский капитан, – вы здесь не для того, чтоб исповедовать, позвольте вам заметить... Кончимте скорее; неравно кто-нибудь проедет по ущелью – и нас увидят.»

«– Хорошо, доктор, подойдите ко мне.»

«Доктор подошел. Бедный доктор! он был бледнее, чем Грушницкий десять минут тому назад.»

«Следующие слова я произнес нарочно с расстановкой, громко и внятно, как произносят смертный приговор:

Продолжение Приложения А

«– Доктор, эти господа, вероятно, второпях, забыли положить пулю в мой пистолет: прошу вас зарядить его снова, – и хорошенько!» [45, с. 572].

«– Не может быть! – кричал капитан, – не может быть! я зарядил оба пистолета; разве что из вашего пуля выкатилась... это не моя вина! – А вы не имеете права перезаряжать... никакого права... это совершенно против правил; я не позволю...»

«– Хорошо! – сказал я капитану, – если так, то мы будем с вами стреляться на тех же условиях... – Он замялся.»

«Грушицкий стоял, опустив голову на грудь, смущенный и мрачный.»

«– Оставь их! – сказал он наконец капитану, который хотел вырвать пистолет мой из рук доктора... – Ведь ты сам знаешь, что они правы.»

Напрасно капитан делал ему разные знаки, – Грушицкий не хотел и смотреть.

«Между тем доктор зарядил пистолет и подал мне. Увидев это, капитан плюнул и топнул ногой.

«– Дурак же ты, братец, – сказал он, – пошлый дурак!.. Уж положился на меня, так слушайся во всем... Поделом же тебе! околевай себе, как муха... – Он отвернулся и, отходя, пробормотал: – А все-таки это совершенно против правил.»

«– Грушицкий! – сказал я, – еще есть время; откажись от своей клеветы, и я тебе прощу все. Тебе не удалось меня подурочить, и мое самолюбие удовлетворено; – вспомни – мы были когда-то друзьями...»

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

«– Стреляйте! – отвечал он, – я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарезу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места...»

«Я выстрелил...

Когда дым рассеялся, Грушицкого на площадке не было. Только прах легким столбом еще вился на краю обрыва.

Все в один голос вскрикнули.

«– Finita la comedia! [] – сказал я доктору.»

«Он не отвечал и с ужасом отвернулся.

Я пожал плечами и раскланялся с секундантами Грушицкого» [45, с. 573].

Продолжение Приложения А

Монолог №1 Печорина «Зачем я жил...».

«Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала. Впрочем, на шести шагах промахнуться трудно. А! господин Грушницкий! ваша мистификация вам не удастся... мы поменяемся ролями: теперь мне придется отыскивать на вашем бледном лице признаки тайного страха. Зачем вы сами назначили эти роковые шесть шагов? Вы думаете, что я вам без спора подставлю свой лоб... но мы бросим жребий!.. и тогда... тогда... что, если его счастье перетянет? если моя звезда наконец мне изменит?.. И не мудрено: она так долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле.»

«Что ж? умереть так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я – как человек, зевающий на бале, который не идет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова... прощайте!..»

«Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший свет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия: я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их радости и страданья – и никогда не мог насытиться. Так, томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собой роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся – мечта исчезает... остается удвоенный голод и отчаяние!»

«И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле... Одни скажут: он был добрый мальчик, другие – мерзавец. И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить? а все живешь – из любопытства: ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!» [45, с. 565].

Продолжение Приложения А

Монолог №2

«— Да, такова была моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных чувств, которых не было; но их предполагали — и они родились. Я был скромн — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли. Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаяние — не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, — тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней, и я вам прочел ее эпитафию. Многим все вообще эпитафии кажутся смешными, но мне нет, особенно когда вспомню о том, что под ними покоится. Впрочем, я не прошу вас разделять мое мнение: если моя выходка вам кажется смешна — пожалуйста, смейтесь: предупреждаю вас, что это меня не огорчит нисколько» [45, с. 542-543].

Приложение Б

Сценарий тематического внеклассного мероприятия по литературе

Тема: Особенности конфликтного речевого поведения Печорина в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Цели: научить детей определять конфликтные речевые тактики поведения на примере главного героя из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

обучающие: ознакомить учащихся с понятием конфликтные ситуации и конфликт, научить выявлять негативные конструкции в общении, выстраивать гармоничную коммуникацию.

развивающие: формирования познавательного интереса к урокам литературы средствами внеклассной работы, развитие речи, совершенствование умственной деятельности (анализ, способность сопоставлять, делать выводы). Развивать абстрактное мышление, воображение и интерес.

воспитывающие: умение конструктивно вести диалог, способствовать воспитанию уважения к собеседнику, окружающим людям.

Оборудование: проектор, презентация

Ход внеклассного мероприятия:

Здравствуйте, дети!

Сегодня мы поговорим с вами о конфликтах в общении. Для начала, давайте подумаем, что такое конфликт? Из-за чего он происходит? Не замечали ли вы за собой, что сами неосознанно спровоцировали его?

- Примеры конфликтующих личностей мы можем найти на страницах художественных произведений. Автор, изображая конфликт, отражает реалии человеческих взаимоотношений, поднимает проблемы, с которыми мы сталкиваемся в общении с другими людьми. Поэтому, на примере героев, можем рассмотреть такое речевое поведение, которое приводит к конфликту.

Продолжение Приложения Б

Задача нашего урока, рассмотреть конфликтное поведение и не допустить его проявления в повседневном межличностном общении.

Одним из самых ярких примеров конфликтного поведения в художественных произведениях, выступает Григорий Александрович Печорин из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Автор изобразил противоречивую личность. В его характере мы находим такие качества как эгоизм, горделивость, неспособность идти на уступки, пренебрежение к окружающим людям.

Поэтому, на сегодняшнее занятие подготовили несколько фрагментов, демонстрирующих особенности конфликтного речевого поведения Григория Александровича Печорина из романа «Герой нашего времени». Проанализировав их, мы рассмотрим примеры конфликтного поведения и постараемся не повторять таких ошибок в общении с окружающими нас людьми.

- Давайте обратимся к слайдам.

Слайд 1.

«Его цель – сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом уверился» [45, с. 514].

- Что здесь не так? Разве в положительном ключе отзывается герой о Грушницком?

- Конечно, нет. Печорин иронизирует, используя метафору «существо, не созданное для мира» и называет Грушницкого «героем романа».

Слайд 2.

*«Грушницкий слывет отличным **храбрецом**; я его видел в деле; он махает шашкой, кричит и бросается вперед, **зажмуря глаза**» [45, с. 514].*

- А что в этом фрагменте вам кажется неверным?

Продолжение Приложения Б

Примерные ответы.

Печорин говорит о храбрости Грушницкого, его смелости в поединке, уточняя, что он бросается вперед на противника «зажмуря глаза». Как вы восприняли Грушницкого после того, как дочитали? Разве «храбрый» подходит к общему контексту предложения? Не кажется ли вам, что «храбрый» после «зажмуря глаза» звучит смешно или нелепо?

Этот прием - несоответствующий контекст. Когда прямое значение, в неподходящем контексте искажается, наделяя сказанное иронией и оскорбительным смыслом.

Слайд 3.

«Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпировать в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания» [45, с. 512].

- После «из тех людей, которые», мы себе рисуем картинку, вызывающую у нас определенный карикатурный образ, который был заложен ранее и ведет за собой цепочку ассоциаций, отсылающих к чувству и образу.

Печорин использует тактику навешивания ярлыков. Данная отсылка помогает читателю сделать общий вывод о личности Грушницкого. Она не объясняет объективных свойств личности, но закладывает отношение к нему.

Исследователи в области коммуникации и конфликтологии (О.С. Иссер), в этих трёх примерах и подобных такого рода высказываниях, выделяют негативную характеристику, желание оскорбить говорящим своего оппонента и высмеять, не выходя на открытый конфликт. Такие

высказывания ни в коем случае нельзя использовать в общении с другими людьми, т.к. они задевают чувства и провоцируют на конфликт.

Продолжение Приложения Б

- А теперь, давайте вместе попробуем отыскать ключевые моменты в поведении Печорина с Грушницким, которые говорили бы о конфликтном настрое главного героя.

(преподаватель вместе с учениками выявляет речевые маркеры конфликта)

В фрагменте Мери подала стакан больному Грушницкому. Печорин находился рядом и видел происходящее, однако из-за зависти, нарочно противоречит молодому юнкеру.

Слайд 4.

«Только тогда бедный юнкер (1) заметил мое присутствие.

– Ты видел? – сказал он, крепко пожимая мне руку, – это просто ангел!

– Отчего? – спросил я с видом чистейшего простодушия (2)

– Разве ты не видал?

– Нет, видел (3): она подняла твой стакан. Если бы был тут сторож, то он сделал бы то же самое, и еще поспешнее, надеясь получить на водку (4).

Впрочем, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сделал такую ужасную гримасу (5), когда ступил на простреленную ногу.

– И ты не был нисколько тронут, глядя на нее в эту минуту, когда душа сияла на лице ее?..

– Нет. (6)» [45, с. 514].

Ответы учеников.

1) Иронизирует над чувствительностью юнкера. Печорин высмеивает Грушницкого, насмехается над его сердечностью, которую сам считает слабостью.

Продолжение Приложения Б

- 2) Печорин специально игнорирует душевную открытость Грушницкого, чтобы позлить. Намеренно не показывает, что заметил проявления нежности и внимания Мери.
- 3) Использует двойные послания, сбивающие с толку и нарушающие эмоциональный доверительный контакт.
- 4) Уверяет, что поступок Мери, не так уж и важен. Обесценивает внимание Мери.
- 5) Употребляя «ужасную гримасу» насмехается над приемами Грушницкого привлечь внимание.
- 6) Врёт. Не говорит о своих настоящих чувствах.

- Все верно! А теперь, давайте обратимся к записи, раскрывающей истинные намерения Печорина в этой сцене.

Слайд 5.

Дальше он пишет в своём дневнике.

«Я лгал; но мне хотелось его побесить. У меня врожденная страсть противоречить; целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку. Присутствие энтузиаста обдаёт меня крещенским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из меня страстного мечтателя. Признаюсь еще, чувство неприятное, но знакомое пробежало слегка в это мгновение по моему сердцу; это чувство – было зависть; я говорю смело «зависть», потому что привык себе во всем признаваться; и вряд ли найдется молодой человек, который, встретив хорошенькую женщину, приковавшую его праздное внимание и вдруг явно при нем отличившую другого, ей равно незнакомого, вряд ли, говорю, найдется такой молодой человек (разумеется, живший в большом свете и привыкший баловать свое самолюбие), который бы не был этим поражен неприятно» [45, с. 516].

Продолжение Приложения Б

- Печорин признается себе откровенно, что завидовал Грушницкому, объясняя этим своё поведение.

- Мы подходим к концу нашего занятия, поэтому, давайте составим небольшие правила гармоничной коммуникации с людьми.

(учитель вместе с учениками формирует правила)

1. Откажитесь от критики собеседника.
2. Проявляйте искренний интерес к человеку и восхищайтесь его талантами.
3. Будьте доброжелательны
4. Научитесь себя ставить на место других
5. Признавайте свои ошибки

- Вы молодцы! Хорошо потрудились сегодня на занятии. Надеюсь, оно будет для вас полезным. Мы выявили особенности конфликтного речевого поведения, на примере Печорина из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», впредь, ваша задача не повторять его ошибок. Остерегайтесь отрицательного проявления себя в общении с близкими вам людьми. А полезные рекомендации для гармоничной коммуникации помогут вам в будущем.